

НИКИТА
АНДРЕЕВ

КОСМОС
WVRP

Annotation

2049 год. Марсоход терпит бедствие на красной планете. Его камера успевает зафиксировать наличие странного живого организма. Вскоре выясняется, что ядерная установка на марсоходе повреждена, и марсиан ждет неминуемая гибель. Земляне готовят спасательную экспедицию. Теперь только от горстки смельчаков зависит судьба уникального вида. Но откуда он появился на мертвой, как считалось ранее, планете? «Это невозможно», — говорят одни. «Это факт», — говорят другие. Кто из них прав? А может быть все?

Космос. Марс

Никита Андреев

Объединенная электронная библиотека Сети.

Отдел электроэнергетики.

«Ядерная революция»

Нейтральный ядерный синтез (разг. — Холодный синтез) — Разновидность ядерной реакции синтеза (слияния) легких атомов в тяжелые. Нейтральный ядерный синтез, в отличие от классического термоядерного синтеза в звездах, протекает при существенно низких температурах за счет участия в реакции элементарных частиц — нейтралей. Нейтралы притягиваются к ядру атома, обнуляют его заряд, позволяя ядрам преодолевать силу взаимного отталкивания.

История открытия.

25 сентября 2022 года в ЦЕРНе открыты новые элементарные частицы — нейтралы.

Первый кубометр нейтрального газа (топлива) был получен 16 марта 2024 г. Первый промышленный реактор, работающий по технологии нейтрального синтеза заработал 14 марта 2029 года в Женеве.

На 1 января 2047 года в мире функционирует 1198 реакторов нейтрального ядерного синтеза, которые обеспечивают 94 процента потребностей человечества в энергии.

Катастрофы и аварии.

12 августа 2033 года произошел взрыв на станции близ г. Сиэтла. В результате погибло 13 человек. Причиной взрыва послужило повреждение топливного блока станции.

15 ноября 2038 года при тестировании на околоземной орбите первого образца реактора нейтрального синтеза с двигательной установкой произошел пожар. Командир экипажа Джон Р. Тест и бортинженер Сергей Павлюк погибли. Второму бортинженеру Ивану Покровскому удалось отсечь подачу топлива в реактор и остановить реакцию. Реакторный модуль был отстыкован, сведен с орбиты и затоплен в Тихом океане.

Последствия открытия.

Нейтральный ядерный синтез и строительство реакторов по всему миру обрушило цены на классические энергоносители. Последующий повсеместный запрет на двигатели внутреннего сгорания привел к коллапсу сырьевых экономик развивающихся стран. В результате хаоса и революций в крупных азиатских и ближневосточных странах к власти пришли ультранационалистические силы и военные хунты. Конфликты охватили большую часть евразийского континента. Впервые с окончания Второй мировой войны применено ядерное оружие.

Иницированы судебные процессы против ученых по обвинению в подрыве традиционных экономических устоев. Им вменяется посягательство на государственный строй, вредительство и массовое убийство. Многие ученые уволены и подвергнуты насильственной эмиграции, финансирование научных изысканий снизилось в десятки раз. Множество университетов закрыты.

Ученые и сторонники нейтрального ядерного синтеза считают, что обвинения в их адрес беспочвенны. Они называют поведение политиков «Новой охотой на ведьм». Известный астрофизик Ричард Пател* так написал в книге «Вселенная здесь и сейчас»:

«Нейтральный ядерный синтез — это свободная энергия, которую тысячелетиями искали ученые. Наука испокон веков стояла на пороге прогресса и вела человечество за

собой в завтрашний день. За свои убеждения ученых преследовали, многих лишили жизни. Истории известно не мало случаев, когда научная революция кардинальным образом меняла привычные устои общества. Неизбежный переходный период предполагает отказ от устаревших убеждений и смену парадигмы жизни, к которой многие могут быть не готовы. Это долгий и сложный путь, который необходимо преодолеть. Но сегодня прогресс получил отпор. Популисты политики выбрали главным оружием ложь, разжигание ненависти к врагам, ограничение просвещения. Для них — это единственный способ отвлечь отчаянное население от реальных проблем. Для будущего человечества — это путь к катастрофе»

Выводы.

Чем бы ни был нейтральный ядерный синтез, проклятием или спасением, он, безусловно, перевернул сложившееся устои постиндустриального общества. И куда он приведет человечество пока остается загадкой.

*Обновление статьи:

Доктор Ричард Пател героически погиб в спасательной миссии корабля «Прайм 1479» в 2049 году.

***

Макс приехал на место на пару часов раньше времени. Увидев с детства знакомый постамент с аббревиатурой из четырех букв, он несдержанно улыбнулся. Положительные эмоции переполняли от предвкушения.

Пусть утрусся те, кто не верил, что у него получится.

Макс решил некоторое время не спеша прогуляться по округе и осмотреться. Космический центр имени Линдона Джонсона (какого — то из президентов США) напоминал небольшой городок. Только вместо магазинов, больниц и банков, здесь располагались лаборатории, станции связи, школа подготовки астронавтов и, конечно, Центр управления полетами. Поредевшие зеленые газоны соскучились по рукам садовника. Искусственные пруды сигналили в небо отраженным солнечным светом. Их соединял узкий пролив с деревянным мостиком в форме полумесяца. Всесторонняя камера, закрепленная на высоком столбе, непринужденно осматривалась. Всего — то требовалось надеть очки виртуальной реальности, закрепить датчики тактильных ощущений, и ты мог также как Макс гулять по пустынным дорожкам НАСА. И не важно где ты, хоть в тысяче километров — для виртуального мира не существовало расстояний.

Макс приближался к Центру управления полетами. Лучшие умы, самые продвинутые технологии — все сосредоточено здесь. Большая дружная семья исследователей вот уже почти сто лет изучала космическое пространство. Макс несет им то, чего они были лишены последние годы — опыт первой космической державы России. Он заряжен энергией, готов ринуться в бой. НАСА невероятно повезло.

Макс ухмыльнулся от собственной самоуверенности и потянул на себя дверь. Вестибюль пуст. Должно быть он пришел слишком рано. Где — то вдалеке звучали голоса. Макс направился на их источник. По пути он не встретил ни одного охранника, ни одной системы идентификации.

Не секрет, что бюджеты космическим агентств снижаются не первый год, но как можно так безрассудно относиться к собственной безопасности? Это же НАСА, черт бы их побрал, а не футбольный стадион.

Макс остановился у дверей зала связи и перевел дыхание. Сердце колотило где-то в животе. Макс сотню раз входил в эти двери в виртуальной реальности, и никогда так не волновался.

Программа локаций моделировала не только настоящее время, но и позволяла очутиться в прошлом. Например, увидеть триумф высадки на луну 16 июля 1969 года и похлопать по плечу рыдающего от счастья коллегу; поучаствовать в спасении аполлона 13 год спустя. Макс знал сюжеты наизусть, мог повторить реплику каждого из сотен участников событий. Все эти люди давно умерли и остались только в виртуальной памяти машины. Но для Макса они были живыми. Их голоса звучали в его голове. И Макс обязан не подвести их память.

Внутри зала связи стояла тишина, пахло не свежей одеждой. Несколько человек без азарта пялились в голографические экраны, еще двое что — то обсуждали у кофейного аппарата, похожего на первый советский спутник. На центральном экране была пугающая пустота.

Где же те сотни людей с горящими глазами? Где полчища голосов, пестрящие новыми

идеями? Должно быть Макс ошибся зданием. Это какой — то музей, а окружающее всего лишь бутафория и грошовые актеры...

Макс в растерянности наблюдал непривычную его мировоззрению картинку. Какой — то парень улыбался желтыми зубами и болтал с кем — то по видеосвязи, еще один, закинув ноги на стол, цедил газировку через трубочку. И эти люди собрались отправить миссию на Марс? Вы шутите?

Откуда не возьмись возник упитанный парень с круглым лицом и копной черных кудрявых волос.

— Простите, я уже отправил письмо с ответом. Пока бюджет не утвердили, мы ничего не можем обещать, — сказал толстяк.

Макс молча протянул шифр — ключ. Толстяк взял его аккуратно и отсканировал встроенным в очки прибором. В воздухе материализовался небольшой голографический экран, на котором появилось фото Макса и вся известная о нем информация. Экран двигался за взором толстяка словно приклеенный, а тот пожевывал губу и внимательно вчитывался в мелкие, почти неразличимые буквы.

— Новенький. Круто, — толстяк протянул ему руку. — Бруно Литтл, инженер — астрофизик.

Рука Бруно была мокрая, а кожа отвратительно бархатная, как ворсистая ткань пиджака.

— Макс.

— Новиков, — закончил за него Бруно, не дождавшись продолжения от Макса. — Оператор спутниковой связи. Круто.

Макс молчал.

— Решил ты из Диджитал Феникс. Каждый день приходят вот уже второй год. Деньги хотят за обслуживание наземных телескопов. Мы и не пользуемся ими давно, у нас астрономов то нет. Я им говорю, приходите завтра. Говорю конгресс вот — вот бюджет оформит. А что я сделаю, не со своего же кармана платить? Я столько и за сто жизней не заработаю. А новичков у нас давно не было. А ты из России? Круто. Я слышал в Роскосмосе дела в гору идут, правда?

— Роскосмоса не существует, — на выдохе сказал Макс.

Бруно ошарашено застыл. Циферки и буквы побежали по летающему за ним экрану. Затем экран испарился также внезапно как появился. Информация теперь проецировалась на линзы его очков.

— Аааа, я понял. Расформировали. Знакомая история. Но что — то же осталось? Российское космическое агентство, РКА — кажется так называется? Ну то самое, что за станцией Ной следит.

Макс кивнул и спустился на последнюю ступеньку. Бруно небрежно отступил и пошатнулся, едва не завалившись. И Макс ничего не почувствовал. Черт подери, он же в центре связи НАСА!!!

Совсем ничего...

Бруно что — то болтал, пока Макс беспомощно оглядывался в попытке почувствовать ту самую атмосферу из виртуальных ретро туров.

— Операторы обычно сидят на том конце, терминалы свободны, выбирай любой.

Макс потянулся к нему и спросил шепотом:

— Слушай, а где вообще все?

Бруно опустил брови почти до пухлых щек и осмотрелся вслед за Максом. Датчики

следили за перемещениями его зрачков. Информация мгновенно высвечивалась на линзах, дополняя реальность. Терминалы компьютеров сообщали информацию о владельце и запущенных программах, картины на стенах отображали автора, дату написания и оценочную стоимость на сегодняшний день, а банки из — под газировки любезно обозначали состав напитка. Бруно закончил осматриваться и, задумавшись, что — то промышчал глядя на Макса. Макс распростер руки в сторону и кивнул.

— Ах ты об этом. Мерфи и Смит в отпуске. Остальные здесь, — Бруно потупил взгляд, словно продавец, предложивший залежалый товар, — Нас в этом году опять сократили. Бюджета едва хватает на поддержание на плаву того, что осталось. Но мы не жалуемся, это лучше, чем ничего. Хотя если тебя взяли, значит будут другие, правда?

Максу не хотелось и дальше выслушивать этого мерзкого толстяка.

— Я здесь именно за этим, — сказал Макс в ответ на сопливые мечты Бруно всевышнему об увеличении бюджета.

— Круто. Будем друзьями, — с воодушевлением сказал Бруно.

— Лучше скажи, где мне найти руководителя полетов Маркуса Маккензи.

Маркус Маккензи расположился в удалении от всех. Над его терминалом нависал ореол темноты. Маккензи полусидел, глубоко погрузив ноги в нишу стола, служащей ему подпоркой, туловище лежало сверху на столешнице и напоминало рыбью тушку, изредка подрагивающую чтобы вдохнуть кислорода. Лицо Маркуса Маккензи зарылось между коробками из — под пиццы, китайской лапши и газировки, которыми был завален весь стол и пол.

Первым делом Макс проверил бейдж. Не перепутал ли чего толстяк... И это тот самый Маркус Маккензи? Стража НАСА, последний рубеж обороны космической отрасли? Вы серьезно? Худющий, как травинка, пальцы тонкие и длинные, а щеки... их вообще нет, они впали в череп и на их месте ямы, нет котлованы.

Политики ценят руководителей, которые не просят много денег и выжимают из каждого работника сто процентов его потенциала. Маркус Маккензи о котором слышал Макс выжимал сто пятьдесят. Это именно то, что нужно. Только такая площадка способна реализовать его хлещущий через край потенциал.

Над головой Маркуса Маккензи появился голографический экран, должно быть запущенный по таймеру. Макс распознал знакомые глазу показатели спутниковой телеметрии и с любопытством придвинулся ближе. Ладонью случайно задел край коробки из — под пиццы, та в свою очередь накрыла голографический проектор и экран погас.

Маркус Маккензи вскочил, словно его укусило инопланетное насекомое. Макс отшатнулся. Одним взмахом Маккензи смел весь мусор со стола на пол. Экран снова появился. Маккензи плюхнулся в стул, тот пошатнулся влево и вправо на раздолбанном шарнире. Надев на нос очки в дешевой оправе, он принялся внимательно изучать показатели телеметрии.

Секунды сменялись минутами. Маккензи упорно не обращал на Макса никакого внимания. Другие сотрудники разбежались по местам, стаканы с недопитым кофе изрыгали горячий пар на подставке у кофе машины. Все с неодобрением косились на новичка, разбудившего начальника раньше положенного.

Макс решил взять действие в свои руки. Он заговорил низким и спокойным тоном, уподобляясь большим начальникам:

— Мистер Маккензи, я здесь для того...

Маккензи отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Макс решительно обошел стол и встал позади экрана.

— Я Макс Новиков. Направлен на должность оператора связи.

— На кой черт мне знать имя каждого уборщика? — не дослушав, спросил Маккензи.

— Я новый оператор связи, — еще громче сказал Макс. — Вот направление.

Маккензи внимательно осмотрел Макса, прищутив глаза. Щетина покрывала его щеки равномерным мхом поседевших волосков.

— Я в запросе писал четкие критерии подбора — «Не придурок!» Считай, что не прошел, — Маккензи кивнул в сторону двери.

Макс сжал зубы от ненависти, захотелось врезать этому худощавому дрищу по морде. Бруно косился на него с беспомощным сочувствием.

— Тупость заразна, когда находишься с ней рядом, — произнес Маккензи.

Не отрывая взгляда от экрана, Маркус Маккензи достал из коробки на полу кусок пиццы, попробовал надкусить и бросил обратно. Кусок принял консистенцию камня.

— Я закончил Московский университет космических технологий. У меня есть рекомендации с РКА.

— Мне слишком мало платят за выслушивание выскочек, — посетовал Маккензи. — А еще они часто портят послеобеденный сон.

Электронные часы за его спиной показывали 07.20 утра.

— Эй, Литтл, — позвал Маккензи Бруно. — Где отчет по солнечной активности?

— Уже заканчиваю, мистер Маккензи, — отозвался Бруно.

Маккензи зевнул и потянулся.

— Заканчивать будешь со своей подружкой, которой за ручку двери дергаешь, а мне отчет нужен сейчас.

— Готово, мистер Маккензи, — Бруно подскочил в три прыжка. — Смотрите, магнитная буря усилилась.

Маккензи пробежался глазами по отчету.

— Отправь энергетикам в Вашингтон, а то они третий день гадают откуда у них помехи в электросети. Удостоверься, чтобы никто не узнал, что это мы передали. Если эти имбецилы в конгрессе прознают, что мы солнце мониторим — последние центы урежут. Солнечный ветер — миф ученых... Они нас грабят. Бла — бла...

— Да, сэр. Обещаю, никто не узнает.

Маккензи взглянул на Макса и вздохнул от беспомощности.

— Ладно, подойди, поможешь, — Маккензи подмахнул рукой, как это делают слугам.

Макс сделал два шага в его сторону.

— На первом этаже пойдешь налево, там коридор, потом направо в первую дверь.

— В Серверную?

Макс знал расположение помещений наизусть. Должно быть Маккензи хочет поручить ему выгрузить данные с серверов. Плевая работенка.

— Ага, там за дверью увидишь бар автомат. Возьмешь пиццу с креветками, анчоусы и сыр насыпной. Проверь чтобы свежая была, только пальцами не трогай. Капучино, только не горячий, сахара один пакет. Большую кружку, крышкой прикрой и держи пальцем чтобы не остыло.

— Вы серьезно? — переспросил Макс.

— А я, что похож на клоуна шутника? Ты видишь у меня на лице красный нос?

Да как он смеет так разговаривать? Придя сюда, Макс оказал всему этому чертовому НАСА услугу.

— Неси мой ленч или ходишь тебя не научили в твоём космическом университете?

Маркус Маккензи упивался издевками. Он волк, вожак в собственной стае, где ему ничего не стоит пнуть новичка, раздеть до гола и высечь заточенными когтями на радость запуганным вассалам.

— Вам стоило бы чаще оглядываться на часы, сэр. Уже давно утро, — сказал Макс четко и громко, чтобы слышал каждый.

Краем глаза Макс заметил Бруно, который о чем — то жестикулировал руками. Маккензи заулыбался и хлопнул в ладоши.

— Ну наконец — то к нам прислали настоящего профессионала, — он подскочил со стула. — Садись. Нет, нет не сюда. За мой терминал, вводи свой шифр — ключ. Не будь таким смурным. Это была проверка такая. Кого сюда только не присылают и каждый говорит, что он профи, а потом оказывается очередным тупицей. Прости за мою подозрительность. Теперь я вижу ты не такой, подвигайся ближе. Вот так, удобней же правда?

Терминал сообщил: пользователь Максим Новиков осуществил вход в систему в 5 часов 26 минут после полудня по солнечному марсианскому времени. Тут до Макса дошла вся суть его позора. Маккензи с наслаждением наблюдал за ним, постукивая ногой по пустой коробке из — под пиццы.

— Анчоусов двойную порцию.

Спустя пару десятков минут Маккензи жадно жевал горячую пиццу с двойной порцией анчоусов и говорил с набитым ртом:

— НАСА закончилась, когда ты переступил этот порог. Ты на Марсе и живем мы здесь по марсианскому времени.

На плечи Макса давила тяжелая гиря стыда. Как он мог так оплошать? Ведь он знал, что для удобства работы с космическими аппаратами вводятся рабочие смены в соответствии со временем изучаемой планеты. Ведь это элементарно, первый курс.

— Удивляй, — Маккензи указал на свой терминал.

Макс отправил запрос сеанса связи Глазу. Так называлась группировка спутников на орбите Марса, запущенная по программе «Марсианский глаз» лет пятнадцать назад. Из двадцати четырех спутников функционировало меньше трети. НАСА удалось отстоять возможность поддерживать их в рабочем состоянии. Содержание спутников ничего не стоило пока они самостоятельно не превратятся в металлолом, а затраты на связь минимальны. Грошевой электроэнергии в избытке, ее все равно нужно куда — то тратить.

Сигнал вернулся от спутника и передал последние данные телеметрии с марсохода Террос—1 — последнего «живого» обитателя красной планеты. Самый современный, если его можно так назвать, с лучшим и не прилично дорогим исследовательским оборудованием — финальная веха космических технологий.

У Макса вспотели ладони. Он вопросительно посмотрел на Маккензи, который облизывал жирные пальцы и поглядывал на большой экран в центре зала.

— Мне не жалко, — Маккензи протянул Максу кусок пиццы.

Макс отрицательно покачал головой. Тошнота подкатила к горлу.

На центральном экране отобразилась карта Марса с красным флажком, обозначавшим местоположение марсохода. Макс всматривался в карту и не мог ничего сообразить. Она

определенно отличалась от той, что гуляет на просторах Сети. И отличалась существенно.

— Марсоход у купола Юпитера? — воскликнул Макс. — Это какая — то ошибка?

Бруно незаметно кивнул глазами в ответ. Он дополнял Маккензи отчет о солнечной активности, убрав руки за спину, словно зэк на прогулке. Купол Юпитера — старый потухший вулкан к северо — востоку от гор Тарсиса, крупнейших образований в солнечной системе.

— У Глаза сбилась навигация? — добавил Макс с напором, не дождавшись ответа.

Бруно закончил доклад и взглядом спросил разрешения у Маккензи ответить на вопрос Макса. Тот кивнул, откатился на сидении и наблюдал за ними, словно за театральной постановкой.

— С навигацией все в порядке, марсоход действительно там, — сказал Бруно.

Макс ничего не понимал. Марсоход должен быть в пятидесяти километрах к северу. Пятьдесят километров для марсохода класса Террос—1 это как пешком прошагать через Сахару. Его задача — собрать информацию о структуре грунта и подыскать наилучшее место для первой инопланетной станции, что он и делал последние десять лет. С помощью приборов лазерного наведения он будет контролировать точную посадку жилых модулей и челнока с первыми космонавтами.

— Высадка же через два года, — не унимался Макс. — Как он успеет вернуться?

— В космоуниверситете тебя научили читать официальные доклады. — сказал Маккензи.

— Местность вокруг купола Юпитера входит в красную зону высадки. Это подтверждается данными расчетов доктора Ричарда Патела, которые он представил в конгрессе 10 марта 2033 года.

— Скучно, — заметил Маккензи.

Макс словно оказался на экзамене. Правильные ответы он знал, только не знал вопросов.

— Тридцать девятый, сорок четвертый, сорок шестой, сорок восьмой... — перечислил Маккензи.

— Дату высадки переносили из — за проблем с готовностью спускового челнока, — пояснил Макс.

— Корпус челнока без обшивки ржавеет шестой год под полиэтиленом. Можешь заглянуть в цеха на обратном пути, только смотри чтобы пыльной шапкой не пришибло. Там такой слой, что, если обвалиться позвоночник переломит, — объяснил Маккензи.

— Почему НАСА не созовет пресс — конференцию, не объявит о переносе даты?

Маккензи отодвинул коробку с пиццей и поставил локоть на стол. Коробка свалилась, но Бруно успел ее подхватить у самого пола.

— Всем плевать, — на распев сказал Маккензи. — Знаешь сколько пользователей следило за запуском последней команды Ноя в сорок шестом? Семь тысяч триста. И я знаю лично три четверти этих людей. А сколько следило за недавней свадьбой собачек той французской певички в Сети? Шестьсот миллионов в прямом эфире. Чувствуешь разницу? Да к нам журналисты заходят раз в год, как на поминки проверить не передохли ли мы тут от голода. Половина конгресса думает, что проект «Террос» это название нового супермаркета.

— Многие знают в России. И следят.

— Да ни хрена они не знают.

Маккензи выхватил у Бруно коробку из — под пиццы, достал последний кусок и

швырнул коробку в общую кучу под столом.

— Я знаю, — как бы в оправдание сказал Макс.

— Ты знаешь... — повторил Маккензи, сопроводив саркастическим кивком. — Доктор Пател был бы рад этому достижению.

— Тогда почему он ушел, почему перестал бороться? — спросил Макс.

Вопрос показался Маккензи оскорбительным. Лицо его округлилось, а ноздри расширились. Макс не сводил уверенных глаз с начальника, и тот, кажется, оценил смелость новичка.

— Потому что не мог смотреть как дело всей его жизни политики втоптали в грязь, — ответил Маккензи и поднялся со стула. — Урок окончен.

Бруно вернулся к себе, Макс занял место у пустующего терминала. Судя по тому как кресло продавилось, до него здесь сидел некто комплекции Бруно.

Маккензи стоял на центральной площадке, откуда просматривался каждый из присутствующих. Глаз ретранслировал телеметрию с марсохода. Датчики фиксировали подъем окружающей температуры на восемь градусов по сравнению с днем ранее.

Терминал Макса не реагировал на запросы. Маккензи заметил это и приказал Бруно помочь. Сам он пил кофе из бумажного стаканчика и всматривался в центральный экран.

— Этот терминал самый глючный, — сообщил Бруно. — Соседний намного лучше.

— Маккензи велел сесть за этот, — сказал Макс.

Бруно с пониманием кивнул. Макс спросил его шёпотом:

— Какого черта марсоход у купола Юпитера?

Бруно несколько раз проморгал, на линзе очков отобразилось изображение с камеры видеонаблюдения за спиной Маккензи. Начальник отвлеченно что — то обсуждал с одним из операторов.

— Год назад Глаз обнаружил небольшую пещеру у подножия Купола Юпитера, — заговорил Бруно в пол голоса. — Геологическое общество отправило запрос провести изучение. Маккензи согласовал.

— Как его колеса выдержали путь по скалистой местности?

— Не выдержали, — Бруно открыл фотографию, на которой колесо марсохода выглядело, словно напоролось на мину. — Вчера прислал. Из пещеры ему обратной дороги нет.

— Безрассудство, — Макс взглянул на Маккензи, который уже громко отчитывал оператора. — Он же убил его.

Бруно пожал плечами, словно над его шеей нависло лезвие топора палача, готовое обрушиться если он скажет еще лишнее слово.

— Сегодня запланировано взять пробы воздуха и грунта.

— Литтл, я поделю твою зарплату на двоих, — крикнул Маккензи. — Чего ты там копаешься?

Бруно закончил с терминалом Макса и вернулся к себе. Его пальцы застучали по виртуальной клавиатуре.

— Мистер Маккензи, время отклика вышло, — проговорил Бруно спустя некоторое время. — Марсоход не ответил на запрос движения. Какие — то проблемы с питанием.

— Повтори, — сказал Маккензи.

— Уже дважды пробовал, мистер Маккензи. Он не реагирует.

Бруно выглядел растерянным и виноватым. Повисла пауза.

— Литтл, покажи еще раз фото колеса, — сказал Макс.

— Не сейчас, — отмахнулся Бруно.

— Мистер Маккензи, нужно внимательно рассмотреть вчерашнее фото колеса, — громко сказал Макс.

— Спасибо за твоё мнение, — бросил Маккензи. — Литтл, отправь аварийный запрос телеметрии и пусть выбирается на солнце.

Макс подошел к Бруно и силой вытолкнул его с места. Толстяк остановился рядом, беспомощно озираясь на начальника. Маккензи и сам не ожидал такого поворота. С вынужденным любопытством он наблюдал за Максом, как смотрит надсмотрщик с хлыстом за распоясавшимся перед избиением рабом.

Макс вывел фото на центральный экран.

— Смотрите, вот правая стойка, сразу за амортизатором.

Макс увеличил это место. Стойка крепления колеса оказалась выгнута восьмеркой.

— Она же титановая, — воскликнул Бруно.

— Поэтому он и не двигается, — сказал Макс. — Он уже никуда не двинется.

Маккензи молча вглядывался в экран.

— Может он в бурю попал? — тихо предложил Бруно.

— Тут что — то другое, — сказал Макс. — Я отправлю команду включить прожектор и сделать панорамное фото. Спутник усилит сигнал.

Маркус Маккензи кивнул. Бруно ревностно взглянул на начальника.

— Мистер Маккензи, — обратился Макс спустя время, когда сигнал вернулся. — Аварийная телеметрия. Заряд батарей резко упал на семьдесят процентов. Питание с резервного ядерного генератора тоже пропало.

— Черт возьми, что происходит!?! — Маккензи спрыгнул с площадки и подбежал к терминалу. Бруно отскочил, иначе бы Маккензи снес его, как кеглю.

— Одна батарея вышла из строя, — резюмировал Бруно, глядя на экран.

— Или ее уже нет, — предположил Макс.

— Смотрите сюда, температура контура термобомбы поднялась, — сказал Бруно, указывая пальцем на экран.

Повисла тишина.

— Вырубай его нахрен! — рявкнул Маккензи.

— Отправляю код подтверждения, — сказал Макс. — Бруно, код!

Застывший мгновение назад Бруно подпрыгнул, затем подскочил к терминалу и ввел код.

Последующие минуты пока со скоростью света сигнал летел миллионы километров до красной планеты и обратно никто из присутствующих не проронил ни слова. Когда время ожидания истекло, Бруно виноватым голосом произнес:

— Батареи сели. Мы его потеряли.

— Погода! — потребовал Маккензи.

Бруно потеснил Макса.

— Ветер пять метров в секунду. Температура и давление в статистической норме.

— Черт бы тебя побрал, железный ублюдок! — заорал Маккензи.

Все обернулись в сторону начальника, будто он мог разъяснить им, что произошло. Маккензи стоял в растерянности и пялился в пустой экран. Стекла его очков запотели, на них виднелись капельки засохшего жира.

Макс, конечно, был готов к сюрпризам, но не к тому, что в первый день он станет

свидетелем гибели последнего марсохода на Марсе, самого совершенного за всю историю человечества. И все это вина Маккензи. Отправить марсоход в заведомо самоубийственную миссию, ради исследования никому не нужной пещеры — тотальный непрофессионализм. Маркус Маккензи должен понести наказание и увольнение слишком мягкий вариант. Его нужно лишить всех званий и судить за действия, нанесшие ущерб не только НАСА, но и всей мировой космонавтике. Без марсохода дальнейшее функционирование программы, утвержденной с таким трудом доктором Ричардом Пателом невозможно. Все надежды на первую высадку человека на Марс в ближайшие лет пятьдесят только что разрушены Маркусом Маккензи. Это конец.

Экран вдруг замигал.

— Смотрите. Глаз передает данные, — крикнул Бруно.

— Марсоход успел отправить фото, прежде чем отключился, — сказал Макс.

Макс загнал пакет данных в специальную программу обработчик, которая преобразовывала цифровой сигнал в визуальную составляющую. Когда полученное изображение появлялось на экране небольшими квадратными кусочками в разноразмерной, словно пазл, присутствующие замерли в гробовой тишине.

На фоне тяжелых каменных стен пещеры, к марсоходу направлялось человекообразное существо, почти черное, высокое, очень худое и лохматое, с длинными массивными руками и короткими ногами. В руках оно замахивалось чем — то напоминающим каменную дубину.

— Чтоб я сдох, — прервал тишину Маккензи. — Кто —нибудь, черт возьми, найдите Ричарда Патела.

***

Андрей Молчанов беспомощно попытался пошевелиться. Несмотря на то, что сидение изготовили в точной пропорции с гипсовым слепком его тела, оно казалось ему ужасно неудобным. Сколько он уже сидит здесь? Четыре часа, двадцать две минуты и пятнадцать секунд, шестнадцать, семнадцать... — об этом говорили часы внутри скафандра, запущенные точно в момент, когда Молчанов опустился в кресло. Другой таймер спокойно и последовательно отсчитывал время назад до момента, когда тяжелая ракета Антей, слепленная из всего, что удалось откопать в задворках космических агентств, с грохотом самого мощного рукотворного грома взмлет в утреннее безоблачное небо казахской степи.

Пятеро членов экипажа сидели в круговую спинами друг к другу. Командир Скотт Стивенсон действовал четко по инструкции и внятно проговаривал каждый этап проверки всех систем. «Датчики давления топлива в норме, температура смеси стабильна, показатели бокового ветра в норме...». Многие технические детали Молчанов не понимал. А когда он что — то не понимал то начинал нервничать. Успокаивало то, что Скотту Стивенсону определено можно доверять, он точно ничего не упустит, не забудет, не поддастся на поводу эмоций. В прошлом он военный летчик, а эти парни рождаются с железными нервами. Ну а если что случится, то совместная команда НАСА в Хьюстоне и РКА в Москве придет на выручку.

За толстым слоем металла, отделяющим экипаж от внешнего мира рука — манипулятор, управляемая оператором, заканчивала последние приготовления. По крайней мере так этот этап звучал в официальном пресс — релизе. На деле же рука — манипулятор безостановочно что — то крутила, сверлила, стучала, елозила по корпусу, переставляла с места на место какие — то громадные железяки. А если оператор этой штуковины ошибется и что —нибудь

переставит не туда? Или не докрутит именно тот, самый важный болт? Откуда у него опыт подобной работы? Когда последний раз взлетали тяжелые ракеты оператор еще посещал детский сад.

Как же тут жарко, а еще эта вибрация...

Посадочный челнок закончили в двухмесячный срок. Все еще пахло свежей краской. Были опасения, что несущие детали прохудились от долгого простоя в цехах сборки. НАСА провела показательные наземные испытания и сделало вывод, что челнок полностью готов к миссии. Нужно отдать должное НАСА, они всегда умели профессионально пускать пыль в глаза. В успех поверили все кроме страховых компаний. Один из последних лауреатов нобелевской премии (до того, как ее окончательно прикрыли) разработал алгоритм и высчитал вероятность успеха миссии. Если взять во внимание сжатые до невозможности сроки, неподготовленный и не сработавшийся экипаж, доработки посадочного челнока прямо в ракетоносителе, а также космический корабль «Прайм—1479» — старая рухлядь с экспериментальным реактором нейтрального синтеза, то да — два процента еще не плохие шансы. Книга рекордов Гиннеса тоже не осталась в стороне и пополнилась значительным количеством новых достижений. Подсчитано, что в случае гибели экипажа, это будет самая грандиозная смерть в прямом эфире.

Более миллиарда пользователей следили за трансляцией запуска. Члены экипажа превратились в сетевых звезд. Их биографии обрастали мифами, как песок на пляже прилипает к вымазанному в меде шарик. Писали, что Молчанов на самом деле дальний родственник великого русского биолога Ильи Мечникова. Якобы прапрадедушка еще в начале двадцатого века предсказал, что его потомок станет первым исследователем других планет и обязательно привезет с собой на Землю пару тройку инопланетян. Несмотря на весь вздор этой истории, Молчанову было приятно внезапно возникшее родство. Остальным с прошлым повезло меньше. То и дело в их биографии всплывали внебрачные дети, брошенные родственники и неизлечимые заболевания.

Командир Стивенсон объявил промежуточную готовность.

Так, Андрей, соберись! Настоящие профессионалы со всех концов света работали над миссией, последние в своем роде. Это люди, которым можно доверять. Они ничего не упустили. Пройдя такой путь, ты же не сдашься!

«Андрей, артериальное давления сто пятьдесят на девяносто три. Пульс сто двадцать два. Тебе нужно успокоиться», — сказал оператор ЦУПа Игорь Павлов.

Спасибо, что напомнил. Как будто он и сам не знал.

«Ввожу дозу успокоительного».

Кожу на руке в районе плеча кольнуло. Теплая волна окатила организм, следом наступило расслабление, веки потяжелели. Скафандры были оборудованы аптечками. Лекарства вводились по команде главного врача миссии, препараты накачивались по тонким трубкам и попадали в организм через автоматические уколы. Умники, придумавшие это, почему — то не удосужились озаботиться чем — то не менее важным (мочиться приходилось по старинке — в подгузники).

Кто — то или что — то стукнуло Молчанова по плечу.

— Эй, летописец, — позвал бортинженер Иван Покровский. — Это не страшнее толстой бабы с пьяну по утру. — Он расхохотался, обнажив перекошенные у основания, но толстые и крепкие зубы.

Молчанов уже намекал, что ему не нравится это глупое прозвище, но Покровский не

послушал. Ей богу в следующий раз Молчанов не промолчит и ответит жестко.

— Ну что ты такой смурной, а? Как говорил товарищ Сухов: «Мертвому, конечно, спокойней, да уж больно скучно».

Молчанов выдавил улыбку.

— Ты что не знаешь кто такой Сухов? Белое солнце пустыни.

Молчанов пожал плечами.

— Ай, молодые вашу мать. Раньше без просмотра ты бы черта с два в ракете оказался, — Покровский договорил уже почти шёпотом себе под нос, затем с ностальгической улыбкой осмотрелся вокруг.

Судя по показателям давления и пульса бортинженер Покровский сидел не в ракете, а на пляже под теплым солнышком с прохладительным коктейлем и трубочкой в зубах. Это его уже третий запуск, на три больше чем у остальных.

Молчанов и Покровский готовились вместе (американцы тренировались у себя дома). Покровский сразу перешел на неформальное общение, взяв на себя роль старшего товарища. Глупые шуточки, фамильярности — то, что Молчанову совершенно не по нраву. В отношении с коллегами он привык к дистанции и соблюдению субординации — так написано и в уставе миссии, где каждый поставил подпись. Покровскому бы стоило об этом вспомнить.

Два месяца тренировок пролетели незаметно. Спали по шесть часов, а остальные восемнадцать пахали без передыха. В добавок каждому пришлось постичь еще несколько смежных профессий. У Молчанова в личном деле появились новые записи: врач общей практики и видеоблогер. Последнее стало особенно тяжелой ношей. Сетевые СМИ потратили кучу денег на миссию и хотели получить взамен прямые эфиры с борта Прайма—1479. Молчанов пытался отказаться, настаивал, что доктор Ричард Пател лучшая кандидатура, однако ЦУП решил, что человек с худшим анти — рейтингом в истории должен не высовываться и прикинуться мебелью.

Начался отсчет последних минут. Ракета загудела, задрезжали какие — то железки, о чем — то сигналила аппаратура. По команде члены экипажа захлопнули защитные стекла шлемов — крышка гроба запечаталась. Молчанов нервничал, нет не так — он паниковал.

Может быть заорать прямо сейчас? Сослаться на сильную боль где —нибудь в базальных ганглиях мозга. Отсчет остановят, его вытащат из консервной банки и уложат на каталку. Опустевшее место займет дублер и никто никогда не узнает, что он имитировал приступ, врачи спишут на нервный срыв, сам он посетует на несправедливость судьбы, а потом слава померкнет также быстро как вспыхнула. Больше не будет преследований журналистов, его лиц на каждом углу, звонков, сумасшедших фанаток, все вернется на круги своя. И, главное — он точно будет жив. На кой черт он вообще во все это ввязался? Ах, да... Марс.

В детстве он без труда находил ту самую красную песчинку в небе. В мечтах он прогуливался по марсианскому песку в компании с местными жителями, которых представлял в виде высоких трехногих существ с двумя головами. Папа слушал рассказы о двуглавых марсианах и задавал уточняющие вопросы: как марсиане дышат, где добывают воду и чем питаются? Ответы маленькому Андрюше отправляли сами марсиане, соединяясь с ним высокотехнологичными передатчиками через сны. Существа те жили в подземных городах, добывали воду из льдов, а пищей служили искусственно синтезированные белки и углеводы. Утром Андрей спешил донести послание. Отец опять выслушивал, после вносил корректировки и наказывал Андрею передать марсианам советы, например, где лучше

добывать пропитание, или как фильтровать воду. Папа знал, о чем говорил, он был биологом. Кто знает сидел бы Молчанов в этом кресле если бы отец, посоветовал тогда сыну выбросить из головы глупости про двухголовых существ.

Пятьдесят три, пятьдесят две, пятьдесят одна...

Серверы НАСА рухнули после публикации фотографии Марсианина. Многие не были готовы к такой новости и не знали, как реагировать. Некоторые посчитали, что Марсианин — второе пришествие их бога, который на самом деле все это время жил на Марсе и поэтому не показывался, другие полагали, что Марс — это ад, кто — то даже разглядел в Марсианине давно умершего дедулю, другие сбежавшего в 1945 году на Марс Адольфа Гитлера. Сеть заполнили конспирологические теории самого разнообразного толка. Поговаривали о скором нападении Марсиан на Землю, неудобные политики обвинялись агентами Марсиан под прикрытием. В информационном мусоре почти невозможно было отыскать правду. Но масло в огонь плеснуло само НАСА. Аноним сообщил, что на марсоходе Террос—1 повреждена экспериментальная ядерная установка. Спроектированная с целью провести уникальный эксперимент по изучению возможности терраформирования Марса, она внезапно превратилась в бомбу с часовым механизмом. Сам Ричард Пател называл ее термобомбой. По задумке несколько сотен ядерных реакций распада и синтеза в крохотном объеме должны были преобразовать атмосферу Марса в пригодную для дыхания человеком. В случае удачи, в будущем планировалось отправить на Марс тысячи гигантских термобомб, чтобы в последствии превратить Марс в пригодную для жизни планету. Несмотря на крохотный размер термобомбы, побочно выделялось мощное гамма и нейтронное излучение. Компьютерная модель показала, что, когда система автономного охлаждения термобомбы прекратит функционировать, а толстые титаново — кобальтовые стенки расплавятся, она уничтожит все живое в радиусе сотен метров.

За несколько часов НАСА получила пятьдесят миллионов запросов с мольбами пользователей спасти марсиан, позже подключились звезды Сети и политики. За короткое время весь мир узнал о существовании жизни на планете, такой далекой и доселе вообще неизвестной для большинства живущих. В мире стали происходить необъяснимые вещи: лютые враги готовы были объединить усилия, чтобы хоть как — то помочь; останавливались боевые действия в горячих точках, где не стихали выстрелы годами. Каждый ощущал персональную ответственность, готов был отдать последнее. Люди впервые за много лет сплотились единым флангом с целью спасения такой далекой и чуждой им жизни.

— Вспомни о траве у дома, летописец. Ты еще не скоро ее увидишь.

...десять... девять... восемь...

— Красные чемпионы! — растянуто закричал Покровский, вскинув руки.

...три... два... один...

Старт. Грохот.

У Молчанова заложило уши. Все тряслось. Зрение не успевало вылавливать очертания предметов.

Их резко подбросило и понесло вверх. Через какое — то время показалось, будто ракета зависла в воздухе, потом снова взметнулась ввысь. В животе что — то затянуло, словно Молчанова разрывало на несколько частей. Потом бросило в жар, в глазах потемнело.

Сознание покинуло ослабевший организм.

С наступлением темноты небо Москвы превращалось в гигантский экран, мерцающий всей палитрой цветов, пейзажами и натюрмортами. Картинки замирали или двигались, появлялись и исчезали. Вся эта красочная вакханалия имела только одну цель — привлечь внимание. Небесные проекции показывали рекламу.

По дороге домой Молчанов отключил ручное управление электрокаром. Хотя технологиям городского автопилотирования без малого два десятка лет и их использование обязательно на скорости выше сорока километров в час, Молчанов отдавал предпочтение ручному. Как и любая техника автопилот мог выйти из строя, не заметить пешехода или не вписаться в поворот. И пускай такие случаи одни на миллион и по статистике человек ошибается гораздо чаще. Нет, он не был противником новых технологий, скорее наоборот. Но на рубеже выбора, кому доверить свою жизнь — машине или человеку, он делал выбор в пользу последнего. Ошибочно думать, что машина превзошла по интеллекту человека. Да, компьютер может найти решение сложного уравнения за долю секунды, но его возможности всегда ограничены программой, логикой и физическим числом мизерных транзисторов. Даже самый мощный экземпляр уступает по количеству последних головному мозгу обычного человека. Только у человека в роли транзисторов выступают крохотные нервные клетки — нейроны, сплетенные друг с другом пауком — природой в гигантскую паутину аксонов и дендритов под крышкой черепной коробки. Да, человек не способен в уме вычислить квадратный корень из числа с десятью знаками, но он способен на нечто другое, пока не достигаемое для машины — возможность чувствовать, ощущать и на основе этих данных принимать творческие, иногда не логичные и чаще правильные решения.

Сегодня Молчанов решил пожертвовать принципами. Сейчас он не способен сосредоточиться на дороге. Он стал будто слепленный из теста, причем из теста несвязного, разваливающегося в руке на отдельные липкие кусочки.

Получив две квоты на космонавтов в экипаж Прайма—1479, РКА не раздумывая отдало одну опытному Ивану Покровскому. За вторую разыгралась борьба. Потенциальный кандидат должен был иметь не только железное здоровье, обладать ученой степенью по биологии или антропологии, разбираться в механике, физике, химии, медицине, но и иметь опыт публичных выступлений. В списке были важные люди с признанными заслугами и узнаваемыми лицами. На молодого Андрея Молчанова никто не ставил. И кто бы мог подумать, что наивные научно — популярные ролики о насекомых и растениях, которые Молчанов снимал в студенческие годы перевесят чашу весов в его сторону.

Когда закончилось заседание выборной комиссии и его члены бесконечно жали ему руку и поздравляли, Молчанов в ответ только бездумно таращился, кланялся и мычал. Они выбрали его? Это не ошибка? Вместо радости на него надавил пуд сомнений. А не много ли он взвалил на себя? Уверен ли, что справиться? Ноша такая тяжелая, что только от мысли о ней его вдавливало в Землю так, что нельзя было пошевелиться. Молчанов пытался улыбаться, плечи горели от неискренних похлопываний. И тут на него свалилось, наконец, осознание — он летит на Марс. Нет, вы не расслышали: ОН ЛЕТИТ НА МАРС! Накануне он сообщил жене, что шансы равны нулю. Как теперь сказать ей? Как начать этот разговор?

Компьютер просигналил, что электрокар достиг назначенного места. Молчанов еще долго сидел в раздумьях, пока компьютер раз за разом повторял сообщение, решив, что водитель задремал. Молчанов не спал. Он не сможет спать еще долго.

Нужно взять себя в руки, заставить ноги подняться по лестнице, а дальше как —нибудь само все случится. Света поймет, она просто обязана понять. Руководство оказало ему

неслыханное доверие, да что там руководство — человечество. Жена обязана радоваться успехам мужа. Ему необходима эта поддержка. Да, полет опасен, план плохо проработан, решения принимаются задним числом, но какой из него ученый если он не рискнет перед лицом величайшего открытия?

Молчанов не узнавал себя. Кто это поселился у него в голове? Откуда в нем столько смелости? Еще вчера был Андрей Молчанов, привыкший стоять в стороне за безопасным забором и наблюдать, привыкший минимизировать риски и не высовываться из тыла, а сегодня кто он? Решение комиссии изменило его в один момент, как щелчок выключателя. А значит и Света должна измениться.

Она стояла в коридоре и ждала его. Глаза девушки покраснели, верхние веки вспухли, а на щеках виднелись потертости косметики. Он только однажды видел, как она плакала — на похоронах матери десять лет назад.

Кто — то рассказал ей...

— Что случилось? — выговорил он машинально.

— Твои любимые блины на столе, — она направилась в гостиную.

Этот запах он учуял еще в подъезде. Фаршированные блинчики с начинкой из мяса говядины и свинины, прожаренной на углях, потертый сыр, соленые огурчики, сдобно разбавленные луком, приправка острым чесночным соусом. Полученные трубочки запекались в духовке всего три минуты и не секундой больше. Айк Гириан, хозяин ресторана Арегак когда узнал в Молчанове члена экипажа Прайма—1479 с радостью показал кухню и, в особенности, процесс приготовления фирменных блинчиков. Молчанов получил пожизненное право кушать их бесплатно и в любых количествах.

Он бросил сумку с контрактом в шкаф вместе с пальто.

Должно быть рассказал кто — то из РКА. Она как раз сегодня была там на защите своего проекта об использовании искусственного интеллекта в программировании систем пилотирования.

Молчанов с виноватым видом вошел в комнату и уселся напротив Светы. Она уставилась в появившийся из неоткуда в воздухе экран и водила пальцем по нему, пролистывая очередной программный код, казавшийся Молчанову бессмысленным набором иероглифов.

— Я не голодный, — осторожно сказал он.

— Съешь позже, — ответила она, не отвлекаясь.

Он набрал воздух в легкие чтобы, наконец, сказать ей. И не важно, что кто — то уже сделал это за него. Быть может это к лучшему. Ему не придется наблюдать удивление на ее лице, не придется терпеть невыносимые секунды молчания, пока она будет собираться с мыслями.

Она вдруг выставила указательный палец вверх перед тем как звуки уже были на пол пути из горла. Молчанов прикрыл рот и затих. Ее пальцы скакали по буквам, словно клавишам рояля, наигрывая безумную мелодию какого —нибудь немецкого композитора века из восемнадцатого. Она закончила, отложила модуль — компьютер и посмотрела на него взглядом полным не обиды, как ожидал Молчанов, а сожаления и вины, будто собиралась сказать ему, что не он, а она улетает на Марс.

— Я все решила, — она выдержала паузу, как судья на чтении обвинительного приговора. — Я подаю на развод.

Молчанов подавился собственным языком. Не выдержав, он закашлялся, словно проглотил горсть красного перца чили.

— Что за вздор ты говоришь? Какой еще развод?

— Я должна тебя отпустить.

— Ты... ты нашла кого — то?

Она молчала. Значит нет. Если бы кто — то и мог сказать прямо в глаза непреложную правду, то это его жена. И вообще ее поведение сейчас никак не укладывалось в то, какое он себе представлял.

Он подошел к ней, опустился на колени и взял за руки.

— Расскажи мне, что произошло.

— Я решила, — она поперхнулась едва, сдерживая слезы и отвернувшись.

— Да что это... Я не понимаю.

Вместо ответа она спроецировала в воздухе экран на котором отобразилась выписка из анамнеза. Пока Молчанов вчитывался, она встала и отошла к окну. От нервного напряжения буквы плыли у него перед глазами.

— Я не могу иметь детей, — сказала она.

Молчанов переводил взгляд с жены на экран, затем мысленно на контракт в шкафу.

— Ты найдешь ту, кто сможет родить. Ты еще молод.

Эту тему они поднимали не раз за последние годы, но она еще никогда так далеко не заходила.

— Ты что вообще удумала? Какая к черту другая?

Небесные проекции рисовали на густых облаках за окном пончики и торты, превращая невзрачные завитушки водяного пара в аппетитную клубнику, яблоки и ананасы, политые джемом. Инсталляция заманивала москвичей в новую сеть кафе. Почему — то Молчанову невыносимо захотелось попробовать их фирменный тортик.

Он подошел к ней.

— Свет, посмотри на меня.

— Я все решила, — твердо сказала она.

Молчанов сделал жест рукой на себя, экран развернулся в воздухе и подлетел.

— Тут ничего не сказано про бесплодие.

— Врач сказал, что это скрытая форма. Генетическое наследство. Как было у моей матери.

— Твоей матери пять врачей поставили бесплодие, но она все равно родила тебя. Не это ли доказательство, что врачам не надо верить на слово?

— Она родила меня в сорок восемь! Переспала с каким — то мужиком с работы, которого я не видела никогда. А у мужа, с которым они тридцать лет душа в душу случился инсульт, его парализовало. Мать обоих кормила с ложечки, вытирала дерьмо за мной, а потом и за ним. Он умер так и не осознав, что всю жизнь отдал ей за зря. Ты не повторишь его судьбы.

Он обнял жену. Она дернулась. Какая же она все — таки сильная.

— Да послушай ты меня, наконец, — вскрикнул Молчанов. — Врачи ошибаются! Живой организм — это не программа, в нем нет четких логических структур и иногда он ведет себя абсолютно непредсказуемо.

— Ты не будешь из — за меня страдать!

Она попыталась вырваться, уперев руки ему в плечи.

— Эй, эй. Страдать? Ты серьезно? — повисла тишина. — Ты самое лучшее, что случилось со мной в жизни. Моя любимая. Ты же сама выбрала меня, помнишь?

Она хлопала глазами. Молчанов держал ее крепко.

— Ты не твоя мать, ясно тебе? Иначе я бы давно сбежал от тебя.

Она коротко улыбнулась.

— Я больше так не могу. Я боюсь, что призрак ее жизни преследует меня, как проклятие.

— Все будет хорошо. Я обещаю тебе.

Она перестала сопротивляться и повисла у него на плечах, потом внезапно разрыдалась. Всхлипывала и снова рыдала не переставая, словно накопленное за все прожитые вместе годы разом вылилось из нее. Молчанов гладил ее по волосам.

Небесные проекции запустили отсчет до старта миссии. Облака окрасились в красный цвет. По ним, держась за руки космонавты в скафандрах, похожие на детей, шагающих дружно классом в театр. Над ними летали конфетти, в небо светили прожекторы, взрывались фейерверки. По бокам стояли самые разнообразные существа из фантастических фильмов, с одной и двумя головами и даже вовсе безголовые. Они радовались и рукоплескали, махали пришельцам с Земли крыльями и копытами, отростками в форме щупалец и клешней. Земляне шагали к трону, водруженному на высокий пик Купола Юпитера, на котором восседал Бальгазар — самый известный ведущий сетевых шоу. В каждом белоснежном зубе отражалась крохотная красная планета. Из раскрытого рта летели слова: «Марс ждет нас» «Вы узнаете первыми» «Почувствуйте себя первооткрывателями»

Света повалила его на пол. Спустя неизвестно сколько времени они лежали на полу голышом, обнявшись.

— Кажется, это марсианское сумасшествие никогда не прекратится, — сказала Света, зевнув.

— Будет только нарастать.

— Я сегодня видела команду, которая пишет оболочку операционной системы Прайма. Отладка на тят — ляп, лишь бы успеть, — она обняла его сильнее. — Эта миссия самоубийство. Хорошо, что Ворошилову ты здесь нужнее.

— Угу.

— Когда они примут решение?

Молчанов сделал паузу, но потом внутренний голос сам заговорил за него:

— Со дня на день.

Она приподнялась и посмотрела ему в глаза.

— Ворошилов не изменит правил ради тебя. Прими это как данность. Это к лучшему.

Молчанов кивнул. Она положила голову ему на грудь, прислушалась к сердцебиению. Она часто так делала, говорила, что только так не чувствует себя одинокой. Также она клала голову отчиму — отцу, когда в его теле шевелилось только лишь одно сердце.

— Меня снова пригласили на работу в Берлин. Хотели, чтобы возглавила разработку программы управления спутниковой навигации.

— И что ты ответила?

— Отказалась. Их не устраивает удаленная работа.

— Но это же всего на пару лет.

Она вновь приподнялась и посмотрела на него с выражением лица полного негодования.

— Мы, наконец, могли бы продать эту дыру и купить нормальное жилье, — попытался оправдаться Молчанов, охватив глазами квартиру, которую ласково называл халупой.

Повисла пауза, напряжение росло на ее лице, скулы очерчивались. Молчанов

рассмеялся, схватил Свету за талию и перевернул на спину, забрался сверху.

— Купилась, да?

— Ты знаешь, я не люблю такие шутки, — серьезно сказала она.

Молчанов поцеловал ее. Больше они не целовались.

Телеметрия. Спускочной челнок
Атмосферное давление: 95 Кпа
Температура внутри: 21,3 С
Температура снаружи: 142 С
Курс — Ной—01
Пройденное расстояние км: 1458
Скорость км\с — 6,1

***

Молчанов проснулся от того, что Покровский стучал ему массивной перчаткой по груди. Кожа на руке покалывала от свежего укола.

— Летописец, а нас кто лечить будет, а? Проснись и пой, мы в космосе настоящем, а не в вашем виртуальном.

Вибрация снизилась, тошнота отступила. Во рту стоял неприятный кислый привкус.

— Андрей, как твое самочувствие? — спросил командир Стивенсон.

— Лучше, сэр, — ответил Молчанов. — Наверное, перегрузка сказалась.

— Отдохни.

— Да, сэр.

— Есть первая космическая скорость, мы на орбиту Земли вышли, — сказала пилот Нака Миура.

Оператор ЦУПа подтвердил скорость и поздравил экипаж с удачным стартом. Командир Стивенсон разрешил открыть стекла шлемов. Молчанов сделал несколько глубоких вдохов. Внутри пахло как в салоне нового электрокара.

Внезапно, его окутал приступ ужаса. Не такой как был перед взлетом, этот страх глубже, от него веяло отчаянием и осознанием — назад дороги уже нет.

— Нака, мне нужен обновленный план полета, — сказал командир Стивенсон.

— Сближение с Праймом—1479 через двадцать два часа пятнадцать минут. Стыковка в шесть двадцать четыре после полудня, подъем на борт шесть пятьдесят три, — проговорила Нака голосом робота.

— Космос не любит самоуверенных, — ехидно сказал Покровский.

— Иван, только по делу, — заметил Стивенсон.

— Конечно, кэп.

Покровский шуточно стукнул Молчанова по плечу и заговорил по — русски в полголоса:

— Нашему мистеру триста часов виртуального опыта виднее.

Скотт Стивенсон отлично понимал русский, но никак не отреагировал.

Корабль резко трянуло.

— Простите, не предупредила, — виновато сказал Нака.

— ЦУП, вторая ступень отделилась успешно, — сообщил Стивенсон. — Вышли на установленный курс.

Овации и аплодисменты заглушали голос оператора ЦУПа.

Следующие двадцать два часа тянулись невыносимо долго. Стивенсон запретил отстегивать ремни, хотя полетать здесь все равно было негде. В крошечном иллюминаторе

напротив Молчанова периодически мелькала Земля. Основное время царствовала безликая чернота космоса от которой то и дело клонило в сон. Молчанов переживал за питомцев, большинство из которых уже ожидали на корабле. Ему удалось собрать поистине обширную коллекцию микроорганизмов, грибов, водорослей и семян растений. Не терпелось начать работу в собственной лаборатории, где он будет только наедине с собой и наилучшими внешними условиями для новых открытий. Эта мысль согревала лучше любого одеяла.

Каждый раз, когда челнок делал виток вокруг Земли, Молчанов прибавлял к счету единицу. Когда он насчитал пятнадцать в иллюминаторе показалась станция Ной. Она была похожа на старые железнодорожные составы, сцепленные змейкой друг за другом, образующие общий квадрат и множество мелких внутри. Станция представляла собой чудо инженерной мысли. Спроектированная великим Константином Ворошиловым, она на многие годы опередила свое время. Ее называли триумфом космической эры и величайшей неудачей. Планировалось, что станция станет отправной точкой для исследования планет солнечной системы. В проекте принимали участие тридцать стран. Проблемы с финансированием не заставили себя долго ждать, страны друг за другом покидали проект. С трудом Ной удалось ввести в эксплуатацию, но затем, когда градус мирового кризиса накалился до предела, всем вокруг, а в особенности политикам, стало на нее плевать. Обслуживание требовало колоссальных расходов, отправка экипажей то и дело задерживалась, а дорогостоящая техника бесполезно наматывала виток за витком, вырабатывая ресурс. Если бы не скудный поток космических туристов — последних миллиардеров, то станция давно бы канула в пучине океана, предварительно устроив самый грандиозный и дорогостоящий фейерверк. Для отмирающего класса путешественников посещение Ноя стало третьей ступенью к званию «Покоритель всех вершин» после подъема на вакуумной трубе на Эверест и спуска на Марианскую подводную станцию.

— Смотри, летописец. Вон рогатина, крохотная такая, справа от Ноя. Видишь? Наша старууушка, — Покровский протянул последнее слово, затем вдруг замолчал, ностальгическая улыбка расплылась по лицу. — Подзадержался я здесь... Не думал, что, когда — нибудь увижу ее снова.

Корабль Прайм—1479, по крайней мере большая часть раньше была Международной космической станцией. Идею использовать МКС и последний сохранившийся экземпляр реактора нейтрального синтеза с двигательной установкой предложил доктор Ричард Пател. Запущенная в начале века, станция вскоре готовится отметить полувековой юбилей. Ее неоднократно планировалось затопить, но каждый раз обстоятельства оказывались на ее стороне. После завершения строительства Ноя МКС решили оставить, как полигон для тренировок экипажа и отработки самых опасных экспериментов. Сегодня переименованная, наспех вычищенная от пыли и ржавчины, отполированная и подкрашенная она готова к главной миссии в своей истории — первой межпланетной экспедиции.

— Кэп, можно обратиться? — поинтересовался Покровский.

— Конечно, Иван.

— Во вчерашнем запросе я предлагал стыковаться к российскому шлюзу. Группа инженеров РКА между прочим поддержали это предложение.

— План полета утвержден ЦУПом и мы будем следовать ему неукоснительно, — говорил Стивенсон громко, чтобы это дошло до каждого. — У российского шлюза есть проблемы со стыковочным механизмом. Американский шлюз не пострадал при пожаре.

— Наш механизм выдержит, могу за него ручаться, — утвердительно заявил

Покровский. — Американский не приспособлен для стыковки челнока такой массы.

— Компьютер просчитал вероятность стыковки с американским шлюзом — девяносто процентов, с российским пятьдесят два, — сказала Нака.

— Полагаю, вы получили ответ на вопрос, бортинженер, — закончил Стивенсон.

— Рассказать вам, командир, сколько была вероятность успешного испытаний первого реактора?

— Просветите, Иван, — с безразличным терпением сказал Стивенсон.

— Девяносто шесть. А вот оставшиеся четыре процента, — Покровский провел указательным пальцем от щеки к шее. Обожжённая кожа напоминала бурлящую жидкость, застывшую в один момент.

— Сочувствую вам, бортинженер.

— Благодарю, командир. Тогда позвольте мне провести стыковку. Я столько раз это делал, что могу и с закрытыми глазами.

— Стыковку произведет пилот Нака Миура.

Покровский подмигнул Молчанову, сомкнул указательный и большой палец в кольцо, на второй рук высунул вперед указательный в виде стрелы и медленно подводил палец-челнок к стыковочному узлу, прищурив глаза. Челнок стучался о стенки стыковочного узла и никак не хотел попадать внутрь.

Спустя час легкий толчок и зелёный свет на приборной панели просигналили об успешной стыковке с кораблем Прайм—1479.

***

Молчанов отстегнул ремни, тело вспорхнуло над креслом. В скафандре он ощущал себя, словно внутри большого воздушного шарика, только это не скафандр поднимал его в воздух, а невесомость.

Он выбрался из скафандра, вытянул руки и ноги. Суставы хрустнули, звук показался слегка приглушенным. Надписи на стенах, дверях, приборах были перевернутыми к верх ногami. Молчанов взмахивал руками, надеясь перевернуться. Спустя несколько попыток он решил оставить эту затею — больше нет нужны задумываться о полах и потолке. Разве это не настоящая свобода?

Молчанов перемещался по кораблю, цепляясь за специальные поручни или за любой попавшийся закрепленный предмет. Это напомнило ему занятия по подводному плаванию в детстве, когда он нагруженный двумя баллонами с воздухом, собирал на дне глубокого бассейна пластиковые номерки из гардероба.

Хотя Молчанов и изучил план станции на зубок ему не сразу удалось сориентироваться. Модули станции соединялись друг с другом через переходы, бывали и такие, которые соединяли сразу по четыре модуля. На развилке можно было окончательно запутаться, так как модули казались абсолютно одинаковыми. Молчанов решил, что причиной могла стать головная боль или нервное перенапряжение. Как оказалось, тут он не был одинок. Нака тоже запуталась. Покровский выступил в роли экскурсовода. Казалось, он знает о станции больше чем сетевая библиотека.

— Мой отец был в третьем экипаже. Вот его предполетное фото, — он протянул, изъеденную полосами фотографию.

Нака аккуратно взяла в руки фотокарточку, будто та была сожженной бумагой, готовой рассыпаться в прах.

— Похожи? — спросил Покровский.

Она растерянно взглянула на Покровского, потом на фотографию.

— Очень похожи, — сказала она и улыбнулась неуверенно.

Покровский искоса поглядел на нее.

— А который из них мой папа? — с азартом спросил он.

Нака указала пальцем на мужчину крайнего справа. Наверное, она выбрала его из — за сходства в форме подбородка, напоминающего английскую букву «W» с глубокой ямкой в центре.

Покровский элегантно улыбнулся, подмигнул Наке и улетел.

— Я не угадала?

Молчанов пожал плечами.

Поврежденную обшивку давно заменили, однако нотки гари сохранялись повсеместно, и казалось пропитали даже металл. Станция выглядела так, будто ее бросили в один момент, как если бы в обжитом годами доме внезапно исчезли хозяева. На стенах висели старые компьютеры с плоскими экранами. У отца Молчанова был такой. Кажется, их называли ноутбуками. На липучках к стенам крепились отвертки, планшеты с изношенной от времени бумагой, фотографии, предметы одежды, мотки проводов, фонарики, объективы к фотоаппаратам. На некоторых вещах остались следы оплавления.

Несмотря на историческую ценность многих предметов, любой лишний килограмм — это дополнительная энергия на разгон, поэтому приказ командира Скотта Стивенсона звучал беспощадно: «Избавиться от всего лишнего». Молчанову пришлось вручную демонтировать львиную долю приборов в лаборатории. Он искалечил руки в кровь пока откручивал проржавевшие болты. От повышенной влажности во время консервации станции, большинство приборов, о работе с которыми он мог только мечтать, как ни печально, вышли из строя. Когда уборка была закончена лаборатория напоминала новенький салон автобуса, в который еще не успели поставить пассажирские кресла.

Весь ненужный хлам переместили в грузовой корабль. Еще в конце двадцатых он привез одному из последних экипажей воду и припасы, после чего из-за неисправности навечно стал частью МКС, как внезапно вскочивший на теле прыщ. Ивану Покровскому понадобилось около часа работы в открытом космосе. Грузовик развалился на тысячи осколков и сторел в атмосфере, словно бутылка из — под шампанского, которую на счастье разбивают о корпус корабля перед спуском на воду.

Покровский настоял на том, чтобы поселиться в бывшем российском сегменте, хотя для всех членов экипажа каюты подготовили в жилом модуле. Командир Стивенсон не возражал. Спецкостюму Покровский предпочел какой — то ширпотреб — костюм советского космонавта прошлого века с нашивкой на груди в виде серпа и молота. Костюм сшили по старым лекалам, но он все равно выглядел поредевшим, как прямиком из музея. Современный экземпляр был выполнен в ярко — голубом цвете со вставками зеленого на плечах и штанинах (разработчики хотели, чтобы экипаж не забывал цвета Земли). Ткань была приятная и мягкая, отталкивала воду и не маралась. Сшитый по индивидуальным параметрам костюм сидел, как влитой. Нака выглядела в нем особенно органично. Костюм подчеркивал ее миниатюрную точеную фигуру, худенькие ножки и руки выглядели совсем хрупкими, почти детскими. Меньше всего повезло Ричарду Пателу, которому от отца индуса досталась знатная фамилия и не менее внушительная внешность почтенного махараджа. Известный своим щегольством и экстравагантным вкусом в одежде доктор Пател выглядел в

костюме, как преподаватель физкультуры где — нибудь в Сиэтле. Так и хотелось повязать ему на шею привычный бежевый шарф, и надеть черный пиджак с лаковым отблеском.

Вечером безнадежно уставший экипаж собрался в командном модуле на ужин. Молчанов с отвращением тянул из трубочки сублимированный суп с привкусом мяса и соленых огурцов. Требовалось поддерживать энергетический баланс даже через не хочу, несмотря на тошноту. От взгляда на мясные консервы к горлу подкатывал ком. Покровский, напротив, уплетал рыбу за обе щеки и болтал напропалую о прошедшем выходе в открытый космос: где — какие болты открутил, что отпилил и какие красоты успел разглядеть. Ричард Пател и Нака Миура слушали внимательно. В отличие от них командир Стивенсон хоть и присутствовал, сознание его, кажется, витало далеко за пределами корабля. Лицо командира напряглось, глаза двигались редко и только по делу. По-видимому, он нервничал перед предстоящим запуском.

Нака отцепила от пояса нечто похожее на старую видеокамеру и показала всем.

— Кажется, приказ был избавиться от всего мусора, — шутливо подначил Молчанов.

Нака вытянула ладонь, поставила камеру сверху, как на подставку и по очереди направила на каждого объектив.

— Ничего не напоминает. Ну же?

— Нил Армстронг, — сказал Покровский без тени сомнений.

Нака отпустила камеру и похлопала в ладоши, потом снова подхватила ее и прижала к груди, как прижимают любимых домашних животных.

— Хассельблад 500, такой же делали снимки астронавты на луне.

— Где ты ее взяла? — спросил Молчанов.

— В главном модуле нашла, в мусоре. Кто — то давно привез ее, она, наверное была для того человека очень ценной. Кто — бы мог подумать. Она же и работает, и пленка имеется. Мы должны сделать первое фото экипажа.

Нака отлетела на метр в сторону.

— Ну ка соберитесь. Командир, прошу вас сядьте поближе к Ивану.

— А что, хорошая идея, — сказал Молчанов, прильнув поближе к Покровскому, с другой стороны.

Нака вытянула сбоку рычажок, прокрутила пленку, прицелилась. Щелчок затвора четкий и звонкий.

— Здорово. Снимать на пленку так увлекательно. Это станет нашей историей.

Нака была похожа на ребенка, которому вручили долгожданный новогодний подарок.

— А как проявлять будешь? Неужто на Марсе фотостудия есть? — усмехнулся Покровский.

— Проявлю на Земле. А потом каждому пришлю копию. Нет, сама вручу, — Нака погрузила глаз в видоискатель фотокамеры и принялась разглядывать окрестности модуля.

Покровский воспользовался паузой и вновь вернулся к рассказу о своем героическом выходе в открытый космос. На этот раз доктор Пател слушал с большим вниманием. Нака притомила его.

— Был бы ранец у меня, справился бы вдвое быстрее. Там весь смысл то в перемещениях. С канатом далеко не отпрыгнешь, а за идею водрузить эту железяку на грудь, ну лебедку, понял, да? Так, о чем я... Ах, да. На кол бы посадить умельцев тех, ужасно неудобно. Ладно ранцы разучились делать и не одного экземпляра не осталось, так еще выдумать велосипед решили.

Покровский время от времени переходил на русский, потом возвращался на английский. Рассказ получался дробленным, суть не всегда улавливалась.

Командир Стивенсон закончил ужинать первым и сообщил всем вернуться в модуль ровно в восемь для брифинга.

Брифинг он начал с того, что поприветствовал экипаж в свойственной ему официальной манере. Хотя брифинг не транслировался во вне Скотт Стивенсон был верен себе.

Члены экипажа сгустились в полукруг, окружив командира, который разместился у панели управления, совсем новенькой, доставленной незадолго до их прилета. Командир Стивенсон был самый высокий из экипажа, и чтобы не подниматься выше над всеми, поджимал под себя ноги.

— Представляю вам состав экипажа корабля Прайм—1479, — говорил он в камеру, подвешенную над их головами. — Командир корабля пилот первого класса Скотт Стивенсон, второй пилот — баллистик Нака Миура, бортинженер Иван Покровский, астробиолог Андрей Молчанов и астрофизик доктор Ричард Пател.

Члены экипажа с неловкостью посмотрели друг на друга, словно виделись впервые.

— Настоящий брифинг будет проходить ежедневно. Прошу каждого в конце дня готовить подробный отчет о проделанной работе, основное внимание будем уделять текущим проблемам. Мы будем все подробно обсуждать, — Стивенсон прервался и продолжил уже с меньшим напором. — Я хочу сказать, что для меня большая честь быть командиром корабля Прайм—1479. Каждый из вас лучший в своей области, и я верю, что вместе мы выполним поставленную задачу. Цель нашей миссии — спасение инопланетного биологического вида. Но мы должны понимать, что прежде необходимо преодолеть сто пятьдесят миллионов километров. Это равносильно расстоянию от Земли до Солнца. Никто и никогда не делал ничего подобного. Мы будем первыми и это накладывает на нас большую ответственность.

Нака слушала внимательно и кивала. Волосы ее с угольным оттенком, свойственным всем японским девушкам, стояли домиком в форме индейского вигвам. Командир Стивенсон обратился к ней:

— Нака, диагностика реактора завершена?

— Показатели в норме, сэр. ЦУП программу запуска утвердил.

В произношении Наки «сэр» звучало как «сир», словно она обращалась к Стивенсону не как к командиру, а как к представителю королевской семьи.

Повисла пауза. Командир Стивенсон обвел взглядом все присутствующих.

— Я знаю, что каждый из вас думает. Об этом повсюду говорят. Испытания первого реактора едва не привели к термоядерному взрыву, — он уважительно посмотрел на Покровского. — Это было десять лет назад. Причина поломки была выявлена и устранена. Опасаться нечего. Для нас разработаны подробные планы на любые неполадки, даже самые невероятные.

Стивенсон сделал паузу, чтобы его слова дошли до каждого.

— Иван, каково состояние систем жизнеобеспечения?

Покровский время от времени приседал, зацепившись ступнями за поручень на полу.

— Новая установка электролиза работает хорошо. Хотя и мощная чересчур получилась. Вода расщепляется на кислород и водород, выдыхаемый нами углекислый газ собирается вновь и вступает в реакцию с полученным водородом. Мы снова получаем воду и процесс начинается заново. Цикл полностью замкнут. Но я все равно рекомендую ваши ценные жидкостные отходы собирать, а не утилизировать, так на всякий случай.

Все покивали.

— Вентиляция вычищена, но не везде. Фильтры забиты в некоторых местах, — продолжал Покровский. — Общая проходимость пока в норме. Хотя...

— Мы здесь именно для того чтобы обсуждать проблемы.

— Просто болячки. Ничего серьезного. Я все исправлю, — отмахнулся Покровский.

— Пожалуйста, подготовь подробный отчет.

Покровский оттолкнулся от пола, оказавшись выше командира. Стивенсону даже пришлось приподнять голову.

— Будет сделано, кэп. Кстати, я уже испытал установку переработки мочи. Немного кисловатый вкус, но от жажды спасет.

Покровский улыбнулся. Нака хихикнула и прикрыла рот. Стивенсон сделал безразличное лицо и обернулся к экранам, которые только что появились за спиной. На виртуальной карте в центре располагалось Солнце, очерченное орбитами планет. Зеленая точка рядом с голубым шариком обозначала местоположение Прайма—1479. Точка отрывалась от Земли, словно ребенок от матери, и летела по изогнутой дуге к другой, красной точке.

— По предварительным расчетам полет составит восемьдесят суток. На восемьдесят первые Прайм должен выйти на орбиту Марса. В следующие двенадцать часов мы отстыкуем лабораторный модуль доктора Патела и жилой модуль с грузом продовольствия, и топлива, — на втором экране появилась карта Марса. — Модули садятся на поверхность вот в эту точку в семи километрах от купола Юпитера и в шести километрах от входа в пещеру. Челнок садиться в течение следующих шести часов. Место посадки меньше одного квадратного километра. Это единственная подходящая равнинная площадка вблизи. Вокруг гористая местность, много острых камней и оврагов. Промахнемся даже на сотню метров и шансов выжить не будет. Поэтому спуск пройдет в автоматическом режиме под контролем спутников Глаза. Если автоматика посчитает, что существует даже небольшая вероятность отклонения, челнок будет возвращен на Прайм, а миссия будет считаться проваленной.

Опять повисла тишина.

— Члены экипажа: Скотт Стивенсон, Ричард Пател, Андрей Молчанов и Нака Миура высаживаются в челноке на поверхность планеты. Бортинженер Иван Покровский остается на орбите для поддержания функционирования корабля. Программа миссии рассчитана на восемь месяцев работы пока Земля и Марс вновь не сблизятся на достаточное расстояние.

— Не переживай, летописец без тебя не улечу, — Покровский хлопнул Молчанова по плечу.

— Доктор Пател, сколько у нас есть времени до взрыва термобомбы? — спросил Стивенсон.

Ричард Пател словно спал с открытыми глазами. Стивенсон собирался спросить еще раз, но тут он внезапно заговорил:

— Реакция синтеза, протекающая в термбомбе вызовет мощное электромагнитное излучение...

— Оу, а можно без этих ваших излучений, — вмешался Покровский. — По — человечески скажите, док. Когда рванет?

— Система охлаждения автономная, насколько долго она будет функционировать я не знаю. После отключения температура возрастет волнообразно, стенки начнут разрушаться...

— Док, просто назовите цифру! — требовал Покровский.

Ричард Пател взглянул на Покровского, как на мелкое насекомое, цапнувшее его на

прогулке. Затем он перевел взгляд на командира Стивенсона, и тот кивнул в его сторону.

— Пятьдесят, может быть сто дней.

— Ух, большой разбег, — сказал Покровский.

— Будет еще меньше если марсиане попытаются вскрыть термобомбу, — сказал доктор Пател.

— Как же мы узнаем, что эта бомба не сработала, что еще не поздно? — спросила Нака.

— Глаз засечет всплеск инфракрасного излучения из пещеры.

— Хорошо, будем рассчитывать, что это не произойдет до нашей высадки, — заговорил Стивенсон. — Андрей, ты изучал последствия воздействия такого излучения на живые организмы. Насколько это опасно для марсиан?

Молчанову стало не по себе, что на него уставилось сразу четыре пары глаз.

— Смертельная доза облучения для организма схожего с человеческим будет в радиусе ста метров прямой видимости.

Покровский чуть не поперхнулся.

— Прямой видимости? То есть встал за любой камень и спасен. Послушайте, у нас на борту между прочим штука в миллион раз мощнее и опаснее. Вот о чем нужно переживать, — Покровский указал пальцем в сторону реакторного модуля.

— Андрей, они могут осознать опасность от нее? — спросил Стивенсон.

Взгляды за ответом вновь упали на Молчанова.

— Судя по биоморфной внешности существа, оно достаточно примитивно. Уровень развития скорее всего схож с предком человека питекантропом.

— А может это у них всего лишь гонец? — предположил Покровский. — Ну разведчик, типа собаки. Отправили разобраться первого кого не жалко. Внизу у них небось целый подземный город. И вообще с чего вы взяли, что они эту термобомбу с собой потащат?

— У примитивных племен в Австралии и Африке принято обожествлять необычные и красивые предметы. Их возносят на алтарь, который всегда находится в центре поселения. Вокруг него принимают пищу, собирают собрания. Вот, обратите внимание на это, — Молчанов придвинулся к экрану, вывел изображение термобомбы. — Она напоминает шар, сделанный из золота. Во многих известных культурах так изображалось солнце, как символ высшего божества.

— Слишком натянуто, летописец, — Покровский покачал головой.

— Андрей, пожалуйста продолжай, — сказал командир Стивенсон.

— Термобомба испускает большой поток нейтронов, которые могут облучать другие материалы. Стены жилищ, предметы обихода, одежда тоже станут радиоактивными. Те, кто выживет сразу, будут погибать позднее, пока не вымрет все поселение.

Все замолчали.

— Ну вы и напортачили, док, — сказал Покровский.

Командир Стивенсон посмотрел на Покровского неодобрительно. Покровский сделал кивок в сторону доктора Патела в знак извинения.

— Как мы сможем обезвредить бомбу? — спросил Стивенсон доктора Патела.

— Если система охлаждения еще будет работать достаточно подключить питание и контролировать снижение температуры. Если термобомба будет не стабильна, ее нужно будет доставить на поверхность и отнести на безопасное расстояние.

— А как же наши скафандры, они защитят если вдруг бомба взорвется рядом с нами? — спросила Нака.

— У Марсианских скафандров существенно слабее защитный экран, чем у скафандров для выхода в открытый космос, — отвечал Молчанов. — Нужно было снизить вес для удобства передвижения по поверхности, — Молчанов прервался, подбирая слова. — Лучше нам не быть рядом, когда термобомба взорвется.

Покровский громко кашлянул в ладонь.

— Вот я слушаю вас, так и представляю, как вы заходите в пещеру и тут вас встречают марсиане с хлебом с солью, выстилают красную дорожку, проводят экскурсию по родной пещере. Смотрите дети, это наши друзья с другой планеты, они прибыли нас спасти. А показать вам наше самое священное место, ах вот оно, проходите. Видите, ту золотую штуку наверху, конечно забирайте, не стесняйтесь, — Покровский стал серьезен как никогда. — Вы на это рассчитываете? — обращался он к Пателу и Стивенсону. — Когда предки ваши высадились в Америке, они что с индейцами обнимались, как старые друзья? А черта с два, началась резня, кровь, убийства детей. Индейцы защищали свои земли от пришельцев, и никто не спрашивал с миром те приплыли или нет. И так же поступят марсиане. Да они же голыми руками разломали титановые крепления марсохода. Что тогда они сделают с вашими костями? Ответишь, летописец?

Покровский слегка отдалился от всех и демонстрировал в воздухе, как косточки Молчанова и остальных будут перемолоты в труху.

— Я уверен, Андрей знает, как наладить контакт с марсианами, — сказал командир Стивенсон.

Покровский подмигнул Молчанову.

Молчанову захотелось провалиться под пол. Только где здесь пол?

— Я отдаю себе отчет о всех сложностях, которые могут возникнуть, — Стивенсон распрямился. — Если бортиженеру Покровскому будет интересно он может изучить план миссии, там подробно расписаны все процедуры реагирования в чрезвычайных ситуациях, в том числе встреча с агрессивно настроенными представителями инопланетной расы. Я хочу подчеркнуть, что безопасность экипажа в приоритете. После того как термобомба будет обезврежена, или каким — то образом устранена опасность взрыва, экипаж вернется на место высадки для обустройства базы. За оставшееся время необходимо кардинально изучить цивилизацию марсиан, собрать максимальное количество данных и проб. Список запланированных экспериментов вы найдете в компьютере. У каждого из вас есть личный браслет, который отслеживает ваше местоположение на корабле. Прошу в целях безопасности не снимать его. Спасибо, теперь можете отдохнуть, сегодня был трудный день для всех. Завтра нам понадобятся свежие силы. Даст бог к рождеству пятидесятого года мы вернемся к нашим семьям.

Стивенсон кивнул, как если бы закончил. Молчанов подал ему сигнал, приподняв несколько раз брови.

— Ах да, чуть не забыл, — опять заговорил Стивенсон и кивнул в сторону Молчанова. — Андрей просил напомнить про обязательные тренировки в модуле марсианской гравитации. Два часа в день каждому члену экипажа. Андрей будет составлять индивидуальные программы и оценивать состояние здоровья. В его власти допустить или отстранить любого из нас от высадки.

— И себя тоже? — спросил Покровский, подмигнув.

— Тренировки помогут организму приспособиться к пониженной гравитации Марса, — сказал Молчанов.

Стивенсон вытер пот с залысины, капельки уже собирались отделиться и разлететься гулять по модулю.

— Я желаю всем удачи и спокойной ночи. Следующий брифинг состоится завтра после запуска реактора.

***

Первая ночь на корабле стала для Молчанова пыткой. Там, на Земле он привык переворачиваться с одного бока на другой, продавливать головой подушку и закутываться в бархатное одеяло. В невесомости же приходилось вечно парить, а, чтобы случайно не расшибить себе нос Молчанов упаковывался в спальный мешок, в котором ощущал себя гусеницей. Без опоры ему все время чудилось, будто конечности теряют чувствительность и немеют. Он регулярно проверял их на работоспособность: шевелил пальцами, сгибал локти и колени. Он надеялся, что это в последствии пройдет, организм привыкнет и он сможет спать, иначе ему предстоит серьезный разговор с главным врачом экипажа. На эту должность назначили француза — приятного на вид старичка, жизнеутверждающей наружности, но это пока не познакомишься с ним поближе. Омар Дюпре сам когда — то летал на орбиту. Бытность космонавтом научила его беспринципности и умению принимать решения. Человека он представлял машиной и знал о нем все. Нет, он никому не говорил, что знает все. Он просто знал. Омар Дюпре был так любезен с Молчановым, что решил во что бы то ни стало вложить весь тридцатилетний опыт медицинской практики в его голову за те двадцать шесть часовых занятий, которые были отведены на постижение новой профессии. Как итог обучения — нервный срыв у Омара Дюпре и письмо на имя Ворошилова с просьбой снять Молчанова с данной должности в виду невозможности «Ленивого проходимца» исполнять обязанности врача экипажа. Конфликт удалось спустить на тормоза. Решили, что Молчанов только номинально займет должность врача, любое решение серьезнее назначения таблетки от головной боли будет приниматься Молчановым только с одобрения Омара Дюпре. Плюс Молчанов обязан ежедневно заниматься электронной макулатурой: составлять отчеты по тренировкам, отслеживать показатели здоровья и еще кучу всякой бесполезной чепухи.

Молчанов провалился в сон и снова проснулся спустя полчаса. Часы показывали четверть пятого утра. Каюта Молчанову досталась без иллюминатора, но уютная, хотя по размеру едва превышала платяной шкаф. По стенам он развешал личные вещи: набор шахмат, фигурку велосипеда, шляпу, которую всегда брал в велопоходы, несколько семейных фотографий из детства, а также пару книг по антропологии и астробиологии, авторства Патрика Макмерфи, с которыми не расставался со времен университета. То, как знаменитый ученый мыслит, излагает фразы и рассуждает напоминало ему отца.

Молчанов выбрался из каюты. Вентиляция шумела над головой, выплескивая высушенный, лишенный запаха, воздух. Свет в жилом модуле был приглушен, каюты командира Стивенсона, Наки и доктора Патела были закрыты. По пути к туалету Молчанов резко отталкивался от поручней на полу, выставлял руку вперед, и летел, словно супергерой, спешивший на помощь. Увлечшись, он не рассчитал траекторию и затормозил плечом о металлический подиум для крепления оборудования. Рука отсохла, а Молчанов отругал себя за ребячество.

До туалета он добрался в плохом настроении. Управившись с надоедливым шлангом, едва не засосавшим кое — что лишнее, он решил задержаться у иллюминатора. Станция пролетала над ночной стороной Земли. Города, словно золотые рыболовные сети хаотично

разрослись по поверхности; синие океаны ночью выглядели, как черные зловещие пятна, от которых определенно хотелось держаться подальше.

Откуда — то донесся металлический стук. Молчанов прислушался... На фоне шума вентиляторов все время чудились какие — то звуки. Стук повторился вновь. На этот раз ему удалось определить источник — звук исходил из соседнего модуля. Молчанов протиснулся через узкий переход, заваленный по кругу грузами с провизией. В соседнем модуле он никого не увидел, кроме груды наваленных мешков и емкостей с питьевой водой. Когда — то это был жилой модуль Спокойствие, обладавший самой современной системой жизнеобеспечения. Последняя давно пришла в негодность и была демонтирована. Стены немного подлатали, стыковочные узлы запечатали и решили оставить старика под грузовые нужды. Молчанов уже собирался лететь обратно, но стук прозвучал снова, еще громче. Он доносился из купола.

В космосе нет нужды красться на цыпочках, поэтому Молчанов подлетел к стыковочному проходу между Спокойствием и куполом абсолютно беззвучно. Покровский прислонился к иллюминатору лбом, в руке он держал портативные очки виртуальной реальности, корпусом которых постукивал по стальному обрамлению купола. Молчанов решил также беззвучно удалиться.

— Летописец! — позвал Покровский.

Молчанов замер и не шевелился.

— Говорил тебе, дезодорант только с нейтральным запахом.

— Мне показалось, я слышал стук, — сказал Молчанов.

— Давай, спускайся.

— Не хочу отвлекать. Я уже собирался к себе.

— На том свете выпишься. Поди сюда, кое — что покажу.

Молчанов тянул время, придумывая новую причину чтобы отказать.

— Давай, такое может быть и не увидишь больше никогда.

Молчанов спустился в купол вперед ногами, словно по невидимой горке. Модуль создавался для наблюдения за Землей, стыковкой с кораблями и работающими в открытом космосе космонавтами. Кварцевые стекла трапециевидной формы располагались вокруг центрального — самого большого диаметром в половину человеческого роста. Купол выступал наружу, как голова стального монстра. Ходили слухи, что его хотели демонтировать ради уменьшения массы корабля. Да и стекла иллюминаторов покрылись осками от многочисленных столкновений с космической пылью и мелкими метеоритами. После долгих споров, модуль решили все — таки оставить. Поговаривают, что вмещался сам Бальтазар, желавший заполучить лучшие кадры с борта Прайма—1479.

Покровский отшвырнул очки от себя, те пролетели между ним и Молчановым. Покровский проводил их взглядом.

— Из первого ряда смотрел. Чуть — чуть не дотянули, буквально вот так, — Покровский изобразил пальцами чуть — чуть в его представлении. — Недоноски хреновы, — Он мотнул головой, цокнул и перевел взгляд на Молчанова. — А ты за красных или за синих?

— Я не увлекаюсь футболом, — сказал Молчанов.

Он говорил это много раз, но почему — то ему вдруг стало стыдно.

— Бабская забава — смотреть как мальчики в трусах мяч гоняют. Для мужиков только хоккей.

Покровский взмахнул невидимой клюшкой, подхватил шайбу и закатил в невидимые

ворота.

— Ты что — то хотел показать? — спросил Молчанов.

Покровский смотрел, будто сканировал мысли, потом перевел взгляд ему за спину и указал пальцем по направлению движения станции. Молчанов обернулся. Над поверхностью Земли извивались сине — зеленые отблески северного сияния. Похожие на драконов из Китайского театра теней, они были размером с целые города и страны.

Молчанов застыл не в состоянии произнести хоть слово. Какой — то звук все — же вылетел из его уст и напоминал сдавленное мычание. Ничего прекрасней он в жизни не видел.

— Аврора Бореалис, — произнес Покровский.

— Как ты узнал, что сегодня будет свечение? Никто в ЦУПе не упоминал о недавних вспышках на солнце.

— Они недавно стали следить, не научились еще, салаги. Последние годы только американские электрики сообщали о солнечной погоде, уж не знаю откуда они данные брали.

— Я видел много фотографий, но в реальности это... Немыслимо.

— Римляне обожали богиню Аврору и ее сына Борея. Он символизировал могучий северный ветер. Смотри какой у парня бурный нрав.

Причудливые гигантские фигуры то двигались, то замирали, словно нарисованные, потом исчезали, а затем появлялись уже на сотню километров в стороне.

— Здесь наша мамочка защищает нас, — сказал Покровский в сторону Земли, потом перевел взгляд на черный бесформенный космос. — В межпланетном пространстве мы будем одни.

— У нас же есть магнитный экран — Щит. А если и его не хватит, то капсула со свинцовыми стенами защитит от любого излучения.

Покровский покосился на Молчанова с легкой ухмылкой, будто тот ляпнул глупость. Они просидели какое — то время в тишине. Неизвестно откуда в руке Покровского появилось слегка почерневшее деревянное распятие на шнурке.

— Вон большой круг, видишь? — заговорил Покровский. — Это Лондон. А там справа сейчас будет Копенгаген, но мы его не увидим, не живут там люди больше.

— А Москву увидим? — спросил Молчанов.

Покровский покачал головой.

— Орбита проходит севернее. В другой раз, летописец.

Они снова помолчали.

— Раньше здесь все было в свете, — С легкой обидой заговорил Покровский, когда они пролетали над Россией. — Питер вон еще старается, карабкается как никак. А дальше чернота одна, все вымерло. Голодный народ сбегался поближе к печатному станку.

Покровский снова погрузился в себя. Молчанов поглядывал на него искоса, но тот на время и забыл о его присутствии.

— Тебе нужно поспать, — сказал Молчанов.

Покровский с усилием вздохнул.

— Да разве тут уснешь, — он поглядел на часы. — Перед запуском надышаться хочется.

Покровский провел большим пальцем по крестнику.

— Ты когда — нибудь видел, как ведет себя кровь в невесомости?

Молчанов отрицательно помахал головой.

— Сгустки превращаются в кругляшки размером с вишенки. После каждого стука сердца, рана, как будто рыба мечет икринками. Они крутятся вокруг тебя вот так, этикие крохотные луны. И как будто притягиваются. Залетают в глаза, в уши или рот, как назойливая мошкара. Знаешь какова на вкус чужая кровь?

— Нет, — твердо сказал Молчанов так, чтобы Покровский прекратил этот рассказ.

Покровский поглядел на Молчанова с уважением и продолжать не стал.

— Серега был еще жив, когда я нашел его. Прямо здесь, где ты сейчас сидишь. Он заглушил реактор, но сильно обгорел. Все говорили, что это я сделал, но то был Серега. Он превратился в кровоточащую рану. Не говорил, только мычал. Глаза вымаливали меня убить его. — Покровский убрал крестик в карман. — Я держал его за руку пока он не перестал дышать.

— Командир был уже мертв?

Покровский покивал.

— Я видел его тело, снаружи, когда отстыковал реакторный. У меня тогда был реактивный ранец, и я мог подлететь и забрать его. Я понял, что не смог бы вернуться с телом обратно, последний шлюз заклинило, осталась узкая щель. Ранец я бросил снаружи, он до сих пор висит там, на обратной стороне главного.

— Почему ты согласился снова лететь?

Покровский вдруг заулыбался и похлопал Молчанова по плечу.

— Летописец, ну хитрюга, ей богу. Ты и так все знаешь обо мне. А к сеансу мозгоправства ты меня не склонишь.

Молчанов на самом деле знал о нем все. Доступ к личному делу каждого члена экипажа имел только он. Болезни, страхи и радости, интимные подробности жизни — все от рождения и до сегодняшнего дня. Покровский в последующие десять лет неоднократно подавал рапорт на восстановление в отряд космонавтов и ему вновь и вновь приходил отказ из — за проблем со здоровьем. Нет, физически он был абсолютно здоров, врачей пугало его психопатическое состояние. Покровский отказывался проходить обследование, грубил врачам, угрожал расправой. Последнему, поставившему отказную печать едва не свернул шею. За это отсидел полгода в тюрьме, затем вышел и, как он сам заявил, решил начать с чистого листа. Если бы в мире остался еще один космонавт с его опытом, дорога на борт Прайма—1479 была бы для него закрыта.

— Я могу назначить стимуляторы сна, — говорил Молчанов. — На три, на пять часов как захочешь. Они абсолютно безвредны, эффект будет даже лучше, чем от обычного сна.

— Оставь лучше себе.

— Недосыпание приводит к проблемам с координацией. Завтра тебе нужна холодная голова.

Молчанов вдруг заговорил, как Омар Дюпре. Покровский стукнул себя по щекам, потом закрыл глаза, вытянул руки и поочередно притронулся указательными пальцами к носу.

— Разве я похож на того, у кого есть проблемы? Да брось ты, бабу прям нашел. У меня стаж на орбите семьсот сорок суток. Знаю, как и когда нужно спать.

Молчанов сдался. Если у Покровского будут проблемы с работоспособностью, Омар Дюпре это заметит. Покровского отстранят, а Молчанов легко снимет с себя ответственность. Вот и поделом ему будет.

— А ты в бога веришь, летописец?

Молчанов пожал плечами.

— Не думаю об этом.

Покровский прищурился, поджал подбородок и оглядел планету, словно хищный ястреб, облетающий владения.

— Господь, когда создавал этот мир также смотрел на него сверху, как и мы с тобой. Отсюда его творение кажется таким идеальным, чистым, — лицо Покровского покраснело. На горизонте проглядывался свет от восходящего солнца. — А спускаешься вниз и всюду грязь, кровь и смердящие трупы. Вот так мы распорядились его даром. Срубили все деревья, выстроили стены на костях, люди мрут с голоду. Мы уничтожили все, и жажда снова проснулась. Мало смертей, мало разрушений. Полезли в чужой мир.

— Мы летим спасать, а не разрушать.

— На чью бы территорию не ступил человек, он несет за собой смерть. Сам взгляни, больше не сыскать на земле ни льва, ни медведя.

— Они живут в резервациях. Там их охраняют и им ничего не угрожает.

Покровский сделал широкий приветственный жест.

— Располагайтесь марсиане, почувствуйте себя как дома. А на решетки не обращайтесь внимания и на уколы, да на деревья пластиковые. Добро пожаловать в свободные резервации.

Молчанов ответил после недолгой заминки с полной решимостью:

— Я не позволю чтобы с ними что — то случилось. Обещаю.

Покровский одобрительно подмигнул.

— Ты нравишься мне, летописец. Бошка у тебя на плечах, а это главное. Не пытаешься притворяться как эти... Ну ты понял, друзья наши. Искренний ты, душевный.

Внезапно Покровский потянулся ближе к Молчанову и заговорил вполголоса:

— Ты уже не на Земле, но не забывай кто ты и откуда. Мы с тобой одной крови, должны горой друг за друга стоять, понимаешь? — Покровский тыкнул Молчанову пальцем в лоб. — Янки сегодня лепечут одно, завтра другое. Все наши знают, что им нельзя доверять. Слышал, как вояка сегодня весь брифинг лепетал, мол реактор доработан, проблемы устранены?

Молчанов кивнул. Конечно он слышал и ответ командира Стивенсона серьезно его обнадежил.

— Знаешь где этот движок был последние десять лет, а? В заброшенном японском складе под грудой бетона валялся. Еле завалы разобрали, чтобы подобраться к нему. Что смогли отыскали, слепили и вперед, народ же просит, требует спасти красных обезьянок. А заработает или нет, да и черт с ним. Главное каждый свое выполнил, отчитался и урвал. Когда еще такой бал, следующий будет...

— Тогда зачем так говорит, командир то? — спросил Молчанов.

— Запомни, для янки все вокруг шоу. Они отбор в экипаж умудрились превратить в цирк шапито. Так заврались, что и сами начали верить в свою ложь, мол все хорошо, все рассчитано, да — да знаем, слышали уже такое сто раз. Подтирай потом за ними, а что случись, не виноваты мы. Думают написали свод правил, на компьютере посчитали и все заработает, само собой. Хрена с два. Русских они не проведут — меня и тебя! Если что я же могу на тебя рассчитывать, правда?

— Чтобы сделать что? — осторожно спросил Молчанов.

— Долететь в целости и сохранности. А ты что подумал?

— Само собой.

— А еще это дурацкое название — Прайм—1479. Кто вообще придумал эту ахинею?

— Прайм означает главный, подразумевается, что эта миссия главная космическая

одиссея человечества. Ну а 1479 — это количество минут в марсианских сутках.

— Да, знаю я про перевод. О другом я. Ну чем им наши предложения не угодили: Циолковский, Надежда, покоритель, наконец. Чувствуешь, как звучит? А главное душевно, по — настоящему. Сразу эмоции вызывает, вот здесь, в груди. А тут Прайм—1479, констатация факта и больше ничего, как запись на экране компьютера.

— Как медицинский факт.

Покровский рассмеялся, затем похлопал его по груди, совсем легонько, по — дружески.

— Ладно, прав ты, хорошо с тобой да лучше... — он зевнул. — Лучше я вздремну чуток. Утром нужно выполнить еще кучу работы перед стартом.

— Может я могу помочь? — предложил Молчанов.

Покровский уже вылетел из купола, но затем вернулся головой вниз.

— Мои эксперименты начнутся после старта, — продолжил Молчанов. — Так что у меня, можно сказать, пока свободный график.

— Нужно протестировать выходные скафандры, на случай ЧП. Справишься?

— Без проблем.

— Отлично.

Покровский подмигнул и скрылся из виду.

Солнце выглянуло из — за Земли, словно никуда и не скрывалось. Реки, которые извивались среди равнин и гор, соединялись в моря, а те в бескрайние голубые океаны и все прикрывалось сверху глазированными облачками, словно праздничный торт. Чистая красота.

Молчанов опять подумал о Свете. Он не мог прекратить думать о ней.

***

Когда Молчанов предлагал помощь Покровскому он ожидал в ответ просьбу прочистить кислородные фильтры, замерить показатели смеси воздуха или на худой конец протестировать проходимость вентиляции. Но выходные скафандры! Нет, Молчанов, конечно, потратил не менее десяти часов на изучение их подробного строения, но учитывая, что занятия проходили между изматывающими встречами с Омаром Дюпре, в голове у него мало что отложилось.

Каждый скафандр представлял собой портативный космический корабль: мощный компьютер, автономная система жизнеобеспечения, баллоны с какими — то жидкостями — все это связывалось множеством трубочек, проводов, экранчиков.

Разве мог он отказать Покровскому, раз сам вызвался помочь? Он представил, как говорит ему, что не справился. «И зачем ты обещал мне, летописец?» «Как я теперь успею все закончить вовремя?» «Ты подвел меня».

Выхода не было. Начать Молчанов решил со своего. Он попутно изучал документацию, вбивая команды проверки одной системы за другой. Это заняло у него несколько часов. Наконец, все скафандры были успешно протестированы, кроме одного. Его собственный скафандр раз за разом выдавал ошибку, то одна система, то другая переставала функционировать. С каждым тестом ошибки росли, как снежный ком. Затем компьютер вообще перестал подавать признаки жизни. Скорее всего он ввел слишком много противоречивых команд или допустил ошибку в последовательности действий, сейчас и не разберешь уже.

Молчанов решил запустить проверку с самого начала, а для этого надо полностью перезагрузить компьютер скафандра. Делать это было запрещено, но выбора у него не

оставалось. Требовалось влезть внутрь. Каждый скафандр изготавливался в соответствии с индивидуальными пропорциями членов экипажа и для работы необходимо надевать специальный тонкий костюм. Молчанову было лень втискиваться в него, поэтому он разделся до трусов и в таком виде залез в скафандр.

Пока компьютер перезагружался он закрыл глаза, положил голову на мягкий подголовник и размеренно задыхался. Запертый от внешнего мира, он чувствовал себя в полной безопасности. По непонятной причине он совершенно не волновался перед предстоящим запуском. Больше беспокоило то, что наступит после: прямые эфиры, миллионы глаз, нацеленные на него, дурацкие вопросы и вымученные улыбки. А ведь он здесь чтобы заниматься исследованиями, и больше ничем другим, а вместо этого вынужден стать «лицом экипажа», а проще говоря мальчиком для битья, шутком и скоморохом в одном флаконе.

Неожиданно в шлюзовой модуль влетела Нака. Молчанов не сразу заметил девушку. У всех скафандров были опущены зеркальные стекла, защищающие от ультрафиолета, поэтому Нака тоже не могла его видеть. Сколько времени продолжалось взаимное неведение сказать трудно. Когда Молчанов открыл глаза Нака уже расположилась у терминала управления шлюзованием, который находился сразу напротив скафандра Молчанова. Она вытащила инструменты из сумки и развешала перед собой на липучках, раритетный фотоаппарат болтался, прицепленный к поясу. Нака соорудила для него специальный чехол, чтобы сохранить ценную находку в целостности.

Молчанов решил поздороваться, но в последний момент передумал. Как он объяснит ей свой полуголый вид?

Нака повернулась к скафандру Молчанова. У него перехватило дыхание. Нака придвинулась еще ближе, остановившись на расстоянии нескольких сантиметров от шлема. Молчанов машинально откинул голову назад. Почему она так смотрит? Наконец, до него дошло — Нака всматривалась в собственное отражение в стекле шлема. Девушка высунула язык и медленно провела им сначала по верхней, затем по нижней губе, прищурила глаза, потом поцеловала воздух.

Молчанов даже не дышал, завороченно наблюдая за ней.

Потеряв интерес к зеркалу, Нака вернулась к терминалу. Молчанов выдохнул. Она подключила модуль — компьютер, следом в воздухе спроецировался экран и клавиатура, она принялась нажимать кнопки, попутно насвистывая какую — то мелодию себе под нос.

Нет, так нельзя. Молчанов должен сказать ей о своем присутствии. Это по крайней мере неэтично с его стороны. С каждой секундой промедления он все больше внедряется в ее личное интимное пространство, на что не имел никакого права. Как должен поступить воспитанный мужчина? Именно так — выйти наружу, извиниться, придумать дурацкую историю и принять заслуженное порицание. «Задремал» — отличная версия, с кем не бывает после бессонной ночи.

Как только Молчанов, наконец, решился раскрыть себя случилось нечто совсем неожиданное — Нака начала петь. Сначала вполголоса, потом громче. Все больше погружаясь в работу, она кажется, и сама не замечала, как слова лились из нее. Хотя Молчанов не понимал ни слова (она пела на японском), песня показалась ему доброй, а главное хрупкий, почти юношеский, голос Наки придавал песне особый налет нежности. Молчанов не мог шевелиться, и не потому что боялся выдать себя, он не мог позволить ни одному лишнему звуку нарушить то музыкальное великолепие, которое звучало в шлюзовом

модуле. Все внутри него поднималось вслед затем как ее голос преодолевал невообразимо высокие октавы. Больше всего ему хотелось только одного — чтобы она не останавливалась.

Нака так увлеклась, что, орудуя отверткой и борясь с болтами шлюзового терминала, раскачивала головой в такт несуществующей музыки, двигала телом и игриво шевелила бедрами. В следующее мгновение она схватила невидимый микрофон, вытянула перед собой руку, обращенную ладонью вверх к несуществующим зрителям, закрыла глаза и затащила грустную, лиричную серенаду. По окончании слезы выступили у нее из глаз. Не нужно было перевода чтобы понять — она пела о чем — то драматичном, близком для нее.

Молчанов наблюдал за Накой, разинув от изумления рот. Сообщить ей о своем присутствии сейчас было бы опрометчивым поступком. Он давно упустил момент и увидел слишком много. Нака слишком застенчива и замкнута, его появление как минимум напугает ее, и что еще хуже нанесет ей психологическую травму. В голове опять заговорил Омар Дюпре. Молчанов принял единственно правильное решение — переждать в скафандре пока Нака закончит свои дела и покинет модуль.

Внезапно внутри скафандра загорелись лампочки, заработал экран — компьютер перезагрузился и принялся сигнализировать громким писклявым звуком, будто где — то поблизости случился пожар. Молчанов от неожиданности стукнул по экрану головой, тот в ответ запустил автоматическую проверку всех систем. Скафандр завибрировал, включилась подача горячего воздуха в систему скафандра — запустился тест на теплостойкость и герметичность.

Нака в замешательстве осмотрелась. Она не понимала откуда исходит этот звук.

Далее компьютер скафандра должен включить внешние клапаны и спустить тестовый воздух. Учитывая расположение клапанов, горячий воздух вместе с нотками запаха Молчанова вырвется Наке прямо в лицо.

Молчанов не стал разбираться какого цвета провода питания, высунул руку из рукава, схватил общий моток подводки к компьютеру и вырвал с корнем. Экран погас, как и остальные лампочки. Молчанов задержал дыхание и выпучил глаза, наблюдая за реакцией Наки.

Девушка вернулась к своим делам, решив, что ей показалось.

Внутри скафандра было, как в бане. Молчанов обливался потом.

Нака все не уходила. Напротив, она развела бурную деятельность: в ее руках мелькали проводки, какие — то приборчики, изолянта, она вскрыла терминал, орудовала в нем инструментами, как хирург оперирующий брюшину пациента.

Молчанов никогда не оказывался в столь нелепой ситуации. Задыхаясь от жары, он сидел в скафандре в полуметре от Наки уже сорок минут (или больше?), словно шпион в окопе. А ему еще требовалось закончить дела в лаборатории — проверить крепление приборов и грузов, чтобы они не пустились в пляс, когда корабль начнет набирать скорость.

Наконец, Нака закончила с терминалом, прикрутила его обратно и улетела. Молчанов выбрался из скафандра, словно из газовой камеры. Он хватал ртом прохладный воздух и не мог надыхаться. В голове все плыло, мокрое от пота тело чесалось, капельки открывались от него и летали по модулю. Молчанов схватил спецкостюм и принялся обтирать себя им, словно полотенцем.

Нака вернулась в модуль.

— Андрея — сан.

Она вскрикнула и обеими ладонями прикрыла рот.

— Эм, привет, — сказал он первое, что пришло в голову.

Молчанов был полуголый, с растрепанными мокрыми волосами, слипшимся в бараньи рога. Путей выкрутиться у него не оставалось. Неловкое молчание длилось невыносимо долго.

Нака перевела взгляд на скафандр Молчанова раскрытый на распашку.

— Вы все время были... — произнесла она сквозь зубы. — Вы видели... Я же тут...

Глаза девушки взорвались краснотой. От стыда она чуть не разрыдалась.

— Это не то, что ты думаешь, — Молчанов приблизился к ней.

Ее взгляд упал ему на трусы. Она зажмурилась и, резко отвернувшись, стукнулась лбом о ближайший скафандр.

Молчанов быстро натянул спецкостюм на мокрое тело. Самый отъявленный вояка в армии делает это медленней.

— Ты не ушиблась? — спросил он.

Она потирала ладонью лоб и не решалась обернуться. Ее трясло, будто облитую ледяной водой.

— Я был занят ремонтом скафандра и не заметил, как ты прилетела. Прости, я не хотел тебя напугать.

— Почему вы не сказали?

Молчанов пожал плечами.

— Просто мне очень понравилось, как ты поешь, — выговорил он.

Она неконтролируемо хохотнула и тут же поежилась. Слезы выплеснулись из ее глаз, но это не были слезы обиды.

— У тебя талант, точно говорю, — подхватил Молчанов. — Я ничего подобного в жизни не слышал.

Нака повернулась, но голову не поднимала.

— Вы это специально, чтобы меня успокоить.

Молчанов закатил глаза, выпрямился и запел:

— На — на — наааа. Ла — лаааА.

Он пытался воспроизвести нотки мелодии ее песни. Вышло у него это абсолютно ужасно, впрочем, как и должно быть у человека, обделенного слухом и голосом. Нака не смогла долго сдерживаться и улыбнулась, а когда Молчанов перешел на фальцет расхохоталась. Он закончил и поклонился на пример японского самурая.

Нака еще какое — то время нервно хихикала. Она уже смогла на некоторое время задерживать взгляд на Молчанове, хотя в глаза смотреть так и не решалась. Она указала пальцем на терминал. Молчанов проследил за направлением. Слева от терминала на липучке висел модуль — компьютер. Молчанов отцепил его и вернул ей.

— Мне пора, командир ждет, — сказала она.

— Мне тоже, — сказал Молчанов.

— Пообещайте, что никому не расскажите об этом, — ее голос опять задрожал.

Молчанов изобразил будто застегивает рот на молнию.

— А ты пообещай, что больше не будешь зарывать в себе такой талант.

Она кивнула и улетела.

Молчанов конечно лукавил. Он знал о ее пристрастии к пению из личного дела. В детстве она посещала музыкальную школу в Токио где была лучшей ученицей. Преподаватели прочили ей эстрадное будущее, но девочка все больше тянулась не к развитию

вокала, а к многотонным железякам, рычащим огнем. Отец Наки — известный конструктор погиб под завалами после бомбардировки вместе с разработанным им реактором. Матери удалось вывести дочь с потоком беженцев в США. На новом месте им пришлось трудно. Чтобы не умереть с голоду мать скиталась с дочкой по стране, работая то уборщицей, то сиделкой. Нака помогала матери как могла, а когда та заболела девочке пришлось взвалить на себя не только уход за матерью, но и поиск пропитания. После смерти матери до попадания в группу Террос доктора Ричарда Патела следы Наки теряются. Сама она не любила комментировать этот период жизни, ссылаясь на то, что он был тяжелым. Известно, что увлечение фотографией помогло ей зарабатывать небольшие деньги за съемки пейзажей и животных по заказу географического портала в Сети. Позднее она тренировалась в составе первого марсианского экипажа пока не покинула его при странных обстоятельствах. Поговаривали, что Ричард Пател выгнал ее, хотя она утверждала, что ушла сама. Мир так бы и не услышал никогда о скромной японской девушке Наке Миуре, если бы не трагическая случайность. Чарли Хэнлон, отобранный на место второго пилота путем голосования пользователей, за неделю до старта разбился насмерть на своем электрокаре. Нака была одним из десятка дублеров, но, неожиданно для всех выбор пал именно на нее. Так никому неизвестная девочка вдруг очутилась посреди информационного шума, к которому была совершенно не готова.

Молчанов покинул модуль и столкнулся лицом к лицу с командиром Стивенсоном. Тот внимательно осмотрел Молчанова, затем перевел взгляд на шлюзовой модуль.

— Ты провел там почти три часа. Почему?

Стивенсон должно быть проверил перемещения Молчанова по датчику на запястье. Но зачем?

— Тестировал скафандры, — быстро ответил Молчанов.

Стивенсон переменился в лице.

— Ты вскрывал их?

— Да, сэр.

— Кто сказал тебе это сделать?

Молчанов несколько секунд собирался с мыслями.

— Никто. Просто решил убедиться, что все порядке перед стартом.

— Скафандры протестированы на Земле и опломбированы. Это написано в своде правил безопасности полетов. Доступ к скафандру должен иметь только владелец.

— Я не подумал, сэр.

— Ты осознаешь последствия своего поступка? Скафандры — это очень сложное оборудование. Сотни людей работали над их подготовкой, они соблюли все процедуры, а ты их нарушил. Как мы теперь можем гарантировать, что скафандры работоспособны?

— Я все проверил. Они полностью работоспособны.

— Ты не слушал меня.

— Простите, сэр. Я...

Стивенсон сверлил Молчанова взглядом и ему стало не по себе.

— ...мне нечего сказать с свое оправдание.

— Если хочешь помочь, то должен непременно сообщить мне. Ты не имеешь права заниматься не свойственной тебе работой без моего одобрения.

— Да, сэр. Я обещаю, такого больше не повторится.

Стивенсон отлетел в сторону, затем обернулся.

— Я обязан сообщить об этом инциденте в ЦУП. Подготовь все то, что ты мне сейчас сказал в письменном виде.

— Да, сэр.

Члены экипажа заняли места в креслах посадочного челнока. В случае неудачного пуска реактора, челнок должен был отделиться от корабля и вернуть экипаж на Землю.

«Прайм—1479, это ЦУП. Все готово к запуску. Запуск подтверждаем»

— Вперед к звездам, — Покровский выставил руку перед собой. — Предупреждаю, старт с Земли покажется вам пешей прогулкой, господа. Летописец, ты приготовил блевательный пакет?

Нака поочередно проверяла крепления каждого члена экипажа. Когда она была рядом с Молчановым, на ее лице мельком отразилась улыбка, предназначенная только ему. Молчанов никак не отреагировал. Нака это заметила, и улыбка так же быстро исчезла с ее лица.

Подготовка к запуску затянулась, в ЦУПе нервничали. Командира Стивенсона, кажется, это совершенно не волновало, он действовал по инструкции и, если что — то шло не так начинал все процедуры заново. Наке он не очень — то доверял. Возможно тому виной была смерть Чарли Хэнлона. Скотт и Чарли были друзьями, вместе служили в ВВС. Возможно то, что его место заняла Нака Миура злило командира.

Реактор постепенно наращивал мощность. Скорость быстро росла, вжимая членов экипажа в кресла.

Запуск прошел штатно, без сучка и задоринки.

Мир ликовал, отовсюду сыпались поздравления. На связь выходили какие — то люди — звезды, политики, большинство их них Молчанов не знал. Каждый болтал о мужестве, далее следовали несколько фраз о важности миссии и их личном вкладе — ничего интересного. Нужно отдать должное командиру Стивенсону. Его сознание будто разделилось надвое, одна часть внимательно отслеживала происходящее на корабле, другая отвечала однотипными фразами вроде: «Спасибо, мы вам очень признательны» или «Мы вас не подведем».

Рекорд скорости установили на третьем часу. Спустя еще десять члены экипажа смогли покинуть кресла. Основной этап разгона был завершен. Корабль покинул околоземную орбиту и вышел на курс к Марсу.

— В течение ближайших двух недель реактор будет работать на полную мощность чтобы двигатель нарастил запланированную скорость. После реактор перейдет в режим экономного расхода исключительно для обеспечения корабля электроэнергией. Всем спасибо за работу, — подытожил командир Стивенсон.

Нака, Молчанов, доктор Пател похлопали в ладоши, Покровский присоединился последним, но хлопал громче всех. Стивенсон кивнул и покинул модуль, не дождавшись окончания аплодисментов.

В ту ночь Молчанов спал крепко. Ему снилось, что он на небольшой лодке спасался от мощной воронки, создаваемой огромным водопадом. Как бы он не старался грести веслами, его затягивало в водную пучину. На утро ему так и не удалось вспомнить, спасся он или нет.

Телеметрия. Прайм—1479

Атмосферное давление: 99 Кпа

Температура внутри: 24,3 С

Температура снаружи (датчик солнечный): 111 С

Температура снаружи (датчик теневой): —185 С

Курс: 1,1

Пройденное расстояние, км: 2 300 524

Задержка связи (сек): 2,3

Скорость км\с — 13,2

***

Молчанов летел от модуля к модулю, а по пятам за ним следовал экран. За каждым его словом следило почти полтора миллиарда пар глаз. На линзы виртуальных очков транслировались блоки заготовленной информации: история модулей, их предназначение, описание приборов и советы по поведению. Блоки сменял режиссер трансляции, а Молчанову всего лишь требовалось зачитывать текст с естественным выражением лица.

Бальтазар то и дело отвлекал Молчанов дурацкими вопросами, вроде тех: «каково космонавтам ходить в туалет?», или «где на станции можно уединиться чтобы снять „мужское“ напряжение?». Многие вопросы были заготовлены, как и ответы, импровизация приветствовалась.

Бальтазар лучше других чувствовал публику. Здесь ему помогал не только опыт, но и технические ухищрения. Показатели пульса и давления пользователей передавались в общую базу данных. В реальном времени Бальтазар отслеживал реакцию людей и, если они начинали скучать, вбрасывал очередную провокацию.

— Всего лишь пять человек, полтора года вместе. Никуда не сбежать, не уединиться, — рассуждал Бальтазар. — Как не сойти с ума?

Режиссер подсказывал Молчанову правильный ответ:

«Мы летим на Марс для того чтобы работать, а не строить личные отношения»

— У нас нет времени на личные отношения. График работы расписан по минутам, — ответил Молчанов.

Не обходил режиссер стороной и главную звезду:

«Бальтазару: а как же личное общение?»

— А как же личное общение? — спросил Бальтазар.

«Совет — коротко отшутиться. Требуется увеличить темп».

— На то оно и личное, все останется между нами.

— А ты интриган. Ну же приоткрой нам завесу. Кто из экипажа по — настоящему невыносим?

«Допускается упомянуть — Ричард Пател. В отношении остальных негатив не желателен».

— Таких на борту нет.

Они проследовали через старый российский модуль — самый большой на станции. Заваленный мешками и коробками до небольшой узкой полосы посередине, он не

представлял никакого интереса.

— Мы и не заметили, как Андрей привел нас в святая святых, друзья, — Бальтазар вскинул руки. — Реакторный модуль. Посмотрите, какая удача. Командир Скотт Стивенсон здесь. А кто второй? Ммм, единственная девушка на борту, красавица Нака Миура.

Нака улыбнулась и сделала кивок на японский манер. Увидев, виртуальную камеру, она засмушалась.

— Дорогой командир Стивенсон, я все же воспользуюсь возможностью и поздравлю вас лично с успешным стартом.

— Благодарю, Бальтазар.

Бальтазар зааплодировал.

«Втянуть в диалог Наку Миуру».

— Простите, что мы вот так вломились и отвлекли вас, коллеги. У вас должно быть полно работы. Вы заставляете всю эту махину работать, невероятно.

— У нас была лучшая подготовка, — сказал Стивенсон.

— Тогда, если позволите, командир мы отвлечем вас еще на пять минут.

— Не возражаю.

— Нака, девочка моя. Мое сердце разрывается, глядя на тебя. Такая хрупкая, а твои глаза, они наполнены одиночеством. Скажи, ты чувствуешь себя защищенной среди всех этих огромных железных штуковин, и таких горячих мужчин?

Нака перевела неуверенный взгляд на Стивенсона. Тот глядел в камеру, выпрямив шею, как во время строевой подготовки. Следом девушка перевела, ищущий спасения, взгляд на Молчанова.

— Да, — начала она неуверенно. — Я чувствую, будто рождена для этого.

«Требуется мощный эмоциональный отклик. Зритель хочет видеть в ней ранимую женщину».

— Как ты думаешь, папа гордился бы тобой?

Нака застыла, ее руки, оголенные до локтей, покрылись гусиной кожей.

— Я надеюсь, — почти шёпотом произнесла она.

— Когда ты смотришь вокруг, на то, что сделано его руками, ты ощущаешь присутствие его души?

На ее лице появились едва заметная улыбка.

— Папа со мной всегда, здесь, — она положила руку на грудь.

— Я понимаю тебя, моя девочка.

Повисла тишина.

«Переводить тему».

Экран с Бальтазаром отлетел от Молчанова и углубился в модуль. Проследовал мимо генератора, питающего корабль, осмотрел реактор, напоминавший локомотив старого поезда. Сделав круг, экран остановился у топливного блока.

— Ох, а это то, что я думаю? Здесь хранятся эти юркие частицы.

Нака приблизилась и остановилась напротив камеры.

— Нейтральный газ, — сказала она. — Топливный блок — главное наше сокровище после воды.

Топливный блок был похож на большое чугунное яйцо на подставке. Поверхность обвязывали стальные трубки и множество датчиков, отслеживающих почти сотню показателей.

— Я слышал они очень привередливые и сохранять их не просто.

— Нейтралы живут всего несколько микросекунд, но этого достаточно для реакции. Чтобы сохранять их долго мы понижаем температуру внутри блока до минус двухсот семидесяти двух градусов.

Бальтазар нахмурил брови.

— Не так давно, кажется, это было в Италии, произошла авария на электростанции. Их холодильник вышел из строя и пришлось на неделю оставить без света целый город, пока не доставили новое топливо. Кто доставит вам топливо если холодильник сломается?

Командир Стивенсон решительно подлетел и остановился перед Накой, закрыв ее собой.

— У того завода не было резервной системы питания, а у нас таких систем две. В случае выхода реактора из строя, блок батарей будет питать корабль в течении двух недель. А если и этого будет мало, то пленочные солнечные батареи раскроются автоматически за шесть минут и двадцать три секунды, — Командир Стивенсон осмотрелся, будто пытался охватить взглядом все полтора миллиарда человек. — Хочу еще раз попросить тех, кто распространяет слухи, что с кораблем что — то не так. Все это не правда. Экипаж Прайма—1479 продолжит системную работу и выполнит задачу.

«Высказать поддержку словам командира».

— Я присоединяюсь к словам командира, — сказал Бальтазар. — Вы сейчас творите историю, друзья.

Молчанов проследовал в свою лабораторию. Он заранее подготовил Блопа — специальную куклу, напичканную электроникой и датчиками, повторяющих человеческий организм — настоящее произведение инженерного искусства. Молчанов хотел показать его в работе, но Блоп почему-то отказался включаться.

— В последнее время я спрашиваю себя, правильно ли мы поступили, что перестали верить ученым? — рассуждал Бальтазар, заполняя паузу пока Молчанов возился с Блопом. — Десять лет назад это было оправданно. Мир стоял на грани катастрофы, все менялось так быстро, новые открытия могли погубить все то, что нам удалось создать за тысячелетия. Мы решили, что пришло время остановиться.

«Карцикулы лактис — марсиане на земле».

— Мы сами повесили эту ширму, за которой перестали слышать голоса разума. Десять лет назад Андрей Молчанов первым доказал, что на Марсе есть жизнь. Десять лет он знал. Теперь ты можешь сказать вслух. Андрей, каково это победить?

Молчанов поднял голову на экран, из которого Бальтазар смотрел на него, как на мессию. Режиссер транслировал придуманную историю, в которой Молчанов, словно Галилео Галилей с папкой, наполненной сенсационным открытием, бегал по кафедрам, спал на пороге космических агентств под проливным ливнем, прохожие его пинали и толкали, окунали в грязь. Десять лет он ждал и, наконец, его триумф состоялся.

— Заголовки в СМИ сильно преувеличивают мою работу, — сказал Молчанов.

— Но как же? — возмутился Бальтазар. — Вот работа, она прямо передо мной на экране.

— Я всего лишь предположил, что на Марсе могут обитать особые грибковые микроорганизмы — карцикулы лактис. Очень редкие на Земле. Они живут в горячих вулканических водах с высоким содержанием углекислого газа. Подобных гипотез тысячи.

«Не вдаваться в детали работы».

— Мне кажется, ты скромничаешь, Андрей.

Внезапно Блоп включился и просигналил громким противным писком.

— Оу. Вот это да, — затараторил Бальтазар. — Роботы в космосе, мы попали в фантастический фильм прошлого века.

— У Блопа нет движущихся деталей, он не может убить нас или захватить управление кораблем, — объяснил Молчанов. — Скорее это манекен с датчиками.

Они говорили еще сорок минут. Молчанов устал. Эфир выматывал сильнее чем он предполагал.

— Есть! — воскликнул Бальтазар. — Два миллиарда в прямом эфире.

«Поблагодарить пользователей».

— Спасибо всем, что проявляет интерес к нашей миссии. Благодаря вам она и состоялась.

Молчанов говорил без энтузиазма, изредка поглядывая на Блопа и уже представлял, как разместит его на внешней площадке. Ранее он с помощью руки — манипулятора благополучно заполнил внешние контейнеры образцами микроорганизмов и растений.

— Ты кажется заскучал, мой друг?

Молчанов вздрогнул.

— Ты слушал, о чем мы говорили с нашим пользователем #МаксомБорном?

— Да.

— И что скажешь в ответ на его вопрос?

Молчанов сделал вид, что вспоминает.

«Бальтазару: повторить».

— #МаксБорн спрашивает, как ты относишься к появившимся в Сети, так называемым расследованиям. В них утверждается, что на Марсе на самом деле не может быть жизни. Якобы фото марсианина — это подделка НАСА для привлечения к себе внимания.

Молчанов набрал побольше воздуха в легкие и выдохнул.

— Я отношусь к любым мнениям с уважением. Да, условия на Марсе не пригодны для жизни человекоподобного организма. Кислорода там почти нет, как и жидкой воды, очень холодно, и еще много — много причин. Но есть снимок, который сделал марсоход Террос—1. Снимок неоднократно проверялся специалистами. Этот факт невозможно игнорировать.

«Бальтазару: Поддержать».

— Ты умыл их одной левой, мой друг. Скажи, что ты ожидаешь от первой встречи с марсианами?

— Я предпочитаю не гадать, — отмахнулся Молчанов.

Лицо Бальтазара, блестящее, как ограненный бриллиант, слегка перекосилось.

«Сменить тему».

Бальтазар встал, обошел шикарное кожаное кресло и облокотился на спинку. За ним сверкали языки пламени камина, выложенного из белого камня.

— Уже больше ста тысяч человек готовы поддержать иск против доктора Ричарда Патела по обвинению в покушении на убийство марсиан. Готов ли ты присоединиться к ним?

Молчанов не ответил.

— Ну же, Андрей. Это простой вопрос.

— Все эти иски пользы не принесут. Многие открытия, благодаря которым мы живем до ста лет, были бы невозможны без не очень этичных экспериментов. У доктора Ричарда

Патела были благие намерения, и я полностью на его стороне в этом вопросе.

Бальтазар призадумался, почесал узкую позолоченную бородку.

— А разве не ты автор этих строк: «Миссия Террос — это отвратительное предприятие невежественных, упитанных деньгами астрофизиков. Ядерную бомбу опять взорвут во имя мира»

Черт дернул Молчанова написать это. В тот день он поругался со Светой, настроение было хреновое, и тут еще эта новость об отправке марсохода с ядерной бомбой, да плюс несколько бокалов красного вина...

— Я критиковал миссию Террос и у меня были на то причины. Как и все, доктор Пател может ошибаться. Только не забудьте, что никто из живущих не сделал больше для исследования космоса чем он. Задумайтесь те, кто подает эти иски. Прошое не повернуть вспять, но будущее в наших руках. Доктор Пател рискует жизнью чтобы исправить ошибку. Хватит искать врагов, давайте сплотимся, все. Только вместе мы добьемся успеха.

— Великолепные слова, — Бальтазар похлопал. — Пользователи на твоей стороне.

«Я счастлив быть частью этой миссии».

— Я счастлив быть частью этой миссии.

А еще счастливей он бы стал если бы эфир закончился.

— Ты попал в топ-10 людей в Сети. Никто и никогда не делал это так быстро.

— Я об этом не думаю, просто делаю свое дело.

Счетчик пользователей: 2.004.013.022

— А ты стесняшка, — Бальтазар ехидно улыбнулся и подмигнул. — Наши прекрасные зрительницы не простят если я не спрошу. Все знают, как тебе было тяжело во время подготовки. Все навалилось разом: развод с женой, давление популярности... Но ты справился. Мы принимаем миллионы писем от твоих поклонниц ежеминутно. Ты самый завидный холостяк планеты Земля. Не хочешь ли сказать пару слов бывшей жене, чтобы она задумалась над тем как поступила с тобой?

Счетчик пользователей ураганно поскакал вверх.

Молчанов вырубил трансляцию.

В модуле стало непривычно тихо. Молчанова обдало жаром, внутри все сжалось тисками. Он разозлился и швырнул в стену очки виртуальной реальности. Они разломились, осколки разлетелись по модулю. Позже Молчанову пришлось собирать их пылесосом.

— Соглашение с сетевыми СМИ нужно соблюдать — это условие продолжения финансирования, — позже причитал командир Стивенсон.

— Я прошу прощения, сэр.

— Не буду разбираться в причинах, только посоветую тебе еще раз прочитать условия твоего контракта.

— Да, сэр. Такого больше не повториться, — твердо ответил Молчанов.

Вечером он вернулся в виртуальную локацию парка, на то самое место. Света опять не пришла.

***

Первую в истории межпланетную шахматную партию Молчанов проиграл в сухую. Он был доволен как ребенок. Соперником стал Фернандо Мартинес из Бразилии, завоевавший титул гроссмейстера еще в 2034. С тех пор семидесяти — четырех летний сеньор Мартинес удерживал почетное звание. Он был бы рад расстаться с ним и отправиться на заслуженный

покой, только сражаться было не с кем. Великие шахматисты прошлого почтили в иной мир, а современная молодежь выбирала скорость и не интересовалась долговязой игрой старых аристократов.

Молчанова научил играть дед. Он был водителем большегрузных автомобилей всю свою жизнь, объездил страну вдоль и поперек миллион раз. Шахматистом он был мастеровитым, кабина его грузовика, казавшегося для маленького Андрея многоэтажным домом, была выкрашена в черно — белые квадраты шахматной доски. Когда у деда были свободные дни, а таких у него было всего несколько штук в год, он приезжал к ним в гости в Москву. С отцом Андрея они почти не разговаривали, хотя и улыбались друг другу. Ночевал дед в своем грузовике, а Андрей проводил с ним все дни напролет, затаив дыхание, слушал шоферские байки. Однажды он уговорил деда взять его с собой в следующий рейс. Андрей мчался в кабине грузовика, представляя себя на палубе огромного корабля с белоснежными парусами. С капитанской осанкой он прикладывал ладонь ко лбу козырьком и рассматривал окрестности, принадлежавшие только ему.

— Хочешь помочь? — спросил дед на очередной стоянке.

— Я же тоже механик, — с гордостью сказал Андрей.

Дед почесал лоб громадным гаечным ключом и посмотрел на Андрея с неприкрытым удовлетворением. Его округлую бороду заволокло дорожной пылью, под глазами были черные пятна от масла.

— Залезай.

Они вместе улеглись на найденную на дороге картонку и подлезли под машину. Снизу она была похожа на спинку их старого домашнего холодильника, только трубки были толще, некоторые с руку Андрея и намного грязней.

— Видишь гайку?

— Ага.

— Откручивай.

Андрей вприпрыжку дошел до ящика с инструментами. Мальчик был так мал, что мог ходить под большой машиной не пригибаясь. Он нашел нужный ключ и вернулся обратно. Гайка не поддавалась. Сдаться он не мог, он же механик. Упрямая гайка не шевелилась. От обиды он едва не разревелся. Дед на внука внимания не обращал. Андрей подметил, что дед использует секретный баллончик с длинной трубочкой синего цвета. Поверхность гаек начинает пениться, словно вода, в которую бросаешь лимонную шипучку. Андрей уверенно схватил баллончик и побрызгал на гайку. Та тоже запенилась, а после недолгих усилий гайка, наконец, закрутилась. Теперь он настоящий механик, и станет таким, когда вырастет.

Гайка отвинтилась и упала рядом с ним на асфальт, а следом в том самом месте с крепления слетела трубка, и из нее полилась прямо на Андрея черная жидкость. Он закрыл лицо руками, жидкость текла между пальцев, попадала на волосы. Пахло отвратно.

Зажмурив глаза, Андрей выбежал из — под машины. Вся одежда, руки, лицо были черными. Он перепугался. Дед, сухой и невредимый, стоял в сторонке и наблюдал за внуком. Под машиной образовалась лужица, жидкость капала со свисающей сверху трубки, скрюченной, словно змея.

Дед наклонился, потрогал трубку и покачал головой.

— И зачем ты это сделал? — спросил он.

— Я... я откручивал гайку.

— Эту гайку нельзя было откручивать. Посмотри, что ты наделал. Теперь мне придется

купить новое масло, мы застрянем здесь еще на два часа, и я могу не успеть доставить груз к сроку.

Андрей вытер грязным рукавом лоб. Кожа на лице чесалась.

— Ты же сам сказал открутить эту гайку, я открутил ее. Ты сам сказал.

— А почему ты не спросил, зачем нужно откручивать именно эту гайку?

— Я не... Ты же сказал.

Андрей заплакал.

— А что если я ошибся?

— Но ты не можешь ошибаться, — сквозь слезы прокричал он.

Дед протянул руку. Андрей отдал ему ключ. Дед затянул трубку обратно и прикрутил гайку. Закончив, он сказал:

— Все люди ошибаются. Никогда не верь на слово. Сомневайся.

Эту ночь они провели в гостинице. Андрей просидел в ванне почти час, оттирая черноту с лица. Когда он вышел, на столике, на который то и дело навевались тараканы, стояла шахматная доска. Фигурки располагались по одной линии и смотрели прямо перед собой. Они были с любовью вырезаны из дерева, а на доньшке имелся магнит, чтобы можно было играть на неровной поверхности. Ни у одной фигуры не было точной копии, даже пешки имели небольшие, но заметные различия между собой — у одной на круглой головке надета высокая шляпа, как у Скруджа Макдака, у другой теннисная кепка, у третьей копна волос.

— Садись, я научу тебя, — сказал дед.

Андрей сел.

— Это пешка, — указал он. — Многие ошибочно считают ее самой слабой фигурой. С стороны это кажется так, она не видит дальше одной клетки, не может повернуть назад, или шагнуть вбок — это делает ее самой незаметной фигурой и в этом ее сила. Пешка единственная фигура, которая может стать ферзем. Поэтому никогда недооценивай ее. Не повторяй ошибок политиков.

— А кто такие политики?

Дед указал на две центральные фигурки на ближнем к нему ряду — самые высокие и красивые, их так и хотелось подержать в руках. Но больше всего Андрею понравился конь. Он никого не боялся, его не пугали преграды, он просто перешагивал их, оставляя за собой завистливые взгляды других фигур. Никто не мог предугадать его перемещение.

— Когда — то мы также играли с твоим папой. Он был чуть старше тебя.

— Он не говорил, что умеет играть.

— Он так и не научился. Но что не сделал он, сделаешь ты.

— Почему, деда?

— Потому что сын всегда должен сделать больше чем отец. Это закон.

— То есть папа сделал больше чем ты?

Дед улыбнулся, снес слоном ферзя Андрея и остановился в двух клетках от короля.

— Шах и мат.

— Еще, — завопил Андрей.

— Как скажешь.

Черные снова ринулись в бой на белых. Фигурки говорили друг с другом голосом Андрея: пешки обсуждали лобовую атаку, кони ржали, зазывая остальных в бой, слоны напирали сзади, а политики, как полагается отдавали приказы.

Они играли до поздней ночи.

Это был последний раз, когда приезжал дед. Потом Андрей спрашивал отца, почему тот больше не приезжает. Отец отвечал, что у деда слишком много дел. Уже спустя годы он узнал, что дед погиб, когда пьяный подросток, угнавший у отца машину, вылетел на встречную полосу. Уходя от столкновения, дед свернул в кювет, машина перевернулась. Ценой своей жизни он спас пьяного личаха от смерти.

Молчанов настоял, чтобы шахматы включили в обязательную часть эфира. Он был как никогда упрям, и Бальтазар сквозь зубы согласился на одну трансляцию в неделю. Соперников Молчанов не выбирал, они сами обращались к нему, а он никому не отказывал. Одну партию транслировал эфир, остальные он играл перед сном, без зрителей. Первую трансляцию смотрели сорок тысяч человек, вторую уже сто девяносто тысяч, на сто девяносто больше чем было зарегистрировано на последнем шахматном портале в Сети.

Почему Света не приходит на встречу?

Виртуальная локация парка точно соответствовала той в которой он сделал ей предложение. Он тщательно воссоздал погоду: дождевые облака затянули полуденное небо, дул прохладный ветерок с востока, стая грачей рисовала в небе замысловатые фигурки. Тогда она была одета в легкую куртку, он обнял ее и хотел прижать к себе. Она противилась, не любила проявлять чувства в общественных местах, называла это «показушными телячьими нежностями». Они смотрели как дети играют на детской площадке: маленький мальчик лет четырех собирал полные кулачки песка, подходил к пруду и швырял песок в воду, утки, ютившиеся неподалеку отплывали, а потом снова возвращались поклевать хлеба, которым кормили другие дети. А этот мальчик опять подбегал сзади и швырял песок.

— Я тоже так делала, — сказала она. — Портила всем веселье.

Молчанов совершенно не готовился и не планировал, да и кольца у него не было, просто сказал и все, будто спросил прохожего время. Она ничуть не смутилась и спокойно ответила да. Они так и сидели неизвестно сколько времени и молчали, а потом пошли домой. Полил дождь, Молчанов промочил ноги, а потом долго болел, а она посмеивалась над ним.

Молчанов полетел в тренировочный модуль. По дороге он уже по традиции задержался у иллюминатора. Молчанов прижался лбом к стеклу и прикрыл лицо ладонями с боков чтобы изолировать свет от фонарей модуля. Землю он узнал сразу. Родная планета уменьшилась до размера горошины, а совсем скоро она превратится просто в точку, станет очередной рядовой песчинкой на гигантском пляже вселенной, абсолютно обыденной и не интересной. Будь Молчанов инопланетянином, не обратил бы на захолустную песчинку никакого внимания, а ведь люди считают ее чем — то большим чем просто куском камня вокруг совершенно неприметной звездочки на окраине галактики. Ей богу, каждый считает свой дом чем — то особенным и теперь, вдали от него, Молчанов смог осознать это в полной мере. Сколько еще населенных миров во вселенной, миллионы, миллиарды? И каждый считает себя самым умным и прогрессивным, пока реальность не столкнет с другой цивилизацией, разделенной несколькими тысячелетиями, а то и миллионами лет эволюции. И тогда весь прогресс, все достижения покажутся не существенными, примитивными. Сегодня мы гордимся, что летим от одной планеты к другой, а в масштабе вселенной всего — то движемся к соседней двери на одной лестничной площадке. Возможно есть и такие, кто путешествует меж звезд, пересекает галактики, постигает знания, недоступные нам еще миллионы лет. Для них мы, как марсианин с каменной дубинкой — представляем интерес исключительно анатомический. Нас с легкостью запрут в клетку, будут колоть иголками, заставят вставлять геометрические фигурки в подходящие отверстия. Прав был Покровский.

Его обдало легким дуновением ветра. Кто — то беззвучно пролетел над ним. Он узнал Наку со спины.

— Почему сегодня без песен? — спросил он ей вдогонку.

Нака обернулась. Девушка выглядела расстроенной, синяки под покрасневшими глазами были темнее обычного.

— Привет, — она натянуто улыбнулась.

— В иллюминатор хорошо видно Землю, не хочешь взглянуть?

— В другой раз. Мне нужно... — Она прервалась. — У меня работа...

— Ладно, не буду задерживать. Не забудь у тебя сегодня тренировка.

— Хорошо.

Доктор Пател бежал из последних сил. Он выбрал локацию спортивного стадиона, по которому наматывал круги один за другим. Несмотря на минимальную нагрузку, его показатели здоровья оставляли желать лучшего — артериальное давление скакало, он быстро задыхался.

— Нужно увеличить нагрузку в течение следующего месяца на двадцать пять процентов, иначе мышцы будут не готовы, — говорил Молчанов. — Сделаем постепенно, а раз в три дня я буду проверять реакцию организма.

Доктор Пател размеренно дышал кислородом через маску. На слова Молчанова он только кивал.

— Вы принимаете таблетки, которые я прописал?

(Которые прописал Омар Дюпре)

Доктор Пател моргнул обоими глазами и снял с лица маску. Он выглядел измотанным, кожа на лице еще больше провисла, зачесанная набок шевелюра полная седых прожилок пропиталась потом.

— Вы не важно выглядите, — сказал Молчанов.

— Голова болит.

— Подышите еще.

— Закончу у себя, — сказал доктор Пател и засобирился.

Хотя гравитация в модуле составляла треть земной, ощущение пола ногами доставляло несказанное удовольствие. Молчанов ощущал себя привязанным к воздушному шару, которому никак не удавалось оторвать его от земли.

— Нака была здесь? — спросил Молчанов.

Ричард Пател мельком взглянул на Молчанова, затем отвернулся и сказал сухо:

— Я ее не видел.

Молчанов помог загрузить баллон в сумку доктора Патела, скрутил шланги и обвязал лентой — липучкой.

— Она мне кажется несколько замкнутой. Думаю, она переживает, что оказалась одна среди мужчин и вынуждена доказывать каждый день, что не хуже нас. Я боюсь она может сорваться. Вы работали с ней. Какой она была в команде Террос?

— Со мной работали тысячи таких как она. Всех не упомнишь.

Молчанов попытался улыбнуться по — дружески, но со стороны, кажется, выглядел полным идиотом. Черт возьми, перед ним же сам Ричард Пател, человек ставший легендой при жизни. Его книги стоят столпом в любой научной библиотеке. Разве Молчанов мог мечтать об этом еще несколько месяцев назад? Поработать с таким человеком честь, а задавать дурацкие вопросы — плохой тон.

— Ну что ж, завтра по расписанию. Постарайтесь больше спать. И на сегодня я бы советовал снизить физические нагрузки. Отдохните. Я могу сообщить в ЦУП, если вдруг у них планы на вас.

Молчанов заранее подглядел в его расписание. У доктора Патела запланирован огромный список экспериментов. Они — то его и выматывали. А между прочим Ричарду Пателу уже шестьдесят. Молчанов не раз замечал, как тот возвращался в каюту уже после полуночи. Ему пора задуматься о здоровье, иначе до прилета на Марс он не доживет.

— Ничего не сообщай, — сказал доктор Пател, как учитель школьнику. Затем он поежил, словно осознал поведение. — Лучше залетай помочь.

— Конечно. Обязательно.

Ричард Пател выпрыгнул из вращающегося тренировочного модуля и вновь оказался в невесомости. Молчанов проверил оборудование и настроил все для Покровского, который как всегда запаздывал. Молчанов собирался связаться с ним по радиии, но вместо этого решил проверить его личный датчик на карте. Покровский двигался в сторону тренировочного модуля. Молчанов приблизился к переходу, чтобы его встретить.

Доктор Пател так никуда и не улетел. Он взмахнул Молчанову рукой и освободил для него место. Молчанов прыгнул в невесомость. Внутренние органы натянулись, легкий болевой сигнал обошел организм.

— Вы что — то забыли? — спросил Молчанов.

— Твой эфир, — начал доктор Пател. — Ты вступился за меня.

Надо же, он находил время, чтобы следить за этими глупыми передачами.

— Я хотел им сказать, что вся эта травля против вас. Это неправильно. Не достойно всего того, что вы сделали.

Доктор Пател потянулся к Молчанову, чтобы сказать на ухо.

— Больше никогда так не делай, — отрезал он.

— Я просто хотел помочь.

— Мне не нужна твоя помощь. Ты меня понял?

Молчанов кивнул.

***

Молчанов не смог починить Блопа. Он делал все по инструкции, но манекен не подавал признаков жизни. Молчанов провозился с ним весь день, но причину отыскать так и не сумел.

Вот он космос, рукой подать, и главный эксперимент на который у него было столько надежд летит в тартарары так и не начавшись. А может Покровский был прав и Молчанова теперь преследует злой рок? Ведь он отказался помочиться на колесо автобуса. Покровский говорил — традиция такая. Еще одна из миллиона этих чертовых традиций. Не мог он этого сделать, ясно? За несколько часов до отправки на космодром он так нервничал, что не сделал и глотка воды. Ему что нужно было постоять для виду, потрясти на холодном ветру хозяйством, а потом лечить себя на борту от простатита? К черту эти традиции! Нет никакого злого рока, проклятья и сглазов, а есть не доведенная до ума техника. И виноваты здесь люди, и только люди.

Или все же, нет?

Командир Стивенсон попросил одолжить Блопа для эксперимента доктору Пателу. Молчанов ответил, что не даст потому что Блоп уже выведен на площадку за бортом. Он сам

не понимал зачем соврал. Мог бы сказать, что Блоп сломался и это было бы достойным оправданием. Молчанов никогда не никому не мстил и вообще считал это низким занятием, но в этот раз все случилось как — то машинально, совсем легко, будто он всю жизнь этим занимался. И главное, он ощутил, прилив удовлетворения. Пусть доктор Пател знает, что Молчанов не собирается унижаться перед ним только потому что Он — доктор Ричард Пател!

До позднего вечера Молчанов высаживал семена в заготовленные емкости, а также климатические камеры, плотно запечатанные от атмосферы лабораторного модуля, предназначенные для образцов с особыми условиями по уходу. Например, хвойник эфедра — основной претендент на звание первого марсианского растения из — за ее способности выживать в жестких условиях. Молчанов выбрал для нее самую крупную камеру. Состав грунта он мог получить любой, тщательно смешавая земляные породы по собственной методике, как какой — нибудь алхимик древности. Высушенная галька пустыни Сахара — пожалуйста, плодородные земли лесов Амазонки — без проблем. В его распоряжении почти две тонны пород, аккуратно расфасованных в мешки. Раздобыть их удалось на Ное, где они болтались без дела много лет. Совсем скоро Молчанов рассчитывал вырастить полноценный сад. Для изголодавшихся по работе астробиологов это огромный пласт работы и задел на создание будущих дендрариев на Марсе.

Вечером Молчанов расположился в каюте и связался с ЦУПом чтобы передать дежурные отчеты. Работа в лаборатории утомила его. Он сильно хотел спать.

«ЦУП на связи», — сказал оператор.

— Говорит Андрей Молчанов, примите пакет данных.

«Подтверждаю, Андрей Степаныч. Передача началась. Вам включить музыку во время ожидания?»

Молчанов на секунду забылся. Последнюю неделю он общался с Игорем Павловым и это был точно не он. Но такой знакомый голос.

— Оператор, представьтесь, — командным тоном сказал Молчанов.

«Можно подумать, ты меня не узнал, научник.»

— Макс?

«Так точно».

— Что ты делаешь в нашем ЦУПе?

«Отныне буду твоим оператором».

— Ты же в НАСА.

«Группа НАСА перебралась в Москву. Условия здесь лучше. Так что ЦУП теперь общий».

— А нам, когда собирались сообщить? — с недовольством спросил Молчанов.

«Командер ваш в курсе со вчерашнего дня», — Макс прервался. — » Ах, вот оно. Командер «встали по стойке смирно» решил не посвящать салаг».

— Попридержи язык.

«Окей, ладно. Господин командир Скотт Стивенсон просто запомнил, или Прайм превратился в слишком большой корабль».

— Ты не исправим.

Макс рассмеялся. Этот смех был искренним и все еще юношеским.

«А, помнишь, как ты меня по астробиологии натаскивал? Вбил же мне в голову: Гипатейя, Фортитьюдо, Аигир, Сафар, Либертал».

— Либертас.

«Либертас, Либертасссс. Язык сломаешь на этих экзопланетах».

— До сих пор считаешь, что это лишняя информация?

«Да, да. Когда — нибудь мы на них полетим и должны будем сказать их обитателям какое имя носит их планета, и тогда они скажут какое имя носит наша».

— И все же ты выучил.

«А как тебе такое: Sk—9827 в системе двойных звезд mns—8772, вероятность обитаемости 15 %, Lmd—7635 на орбите красного карлика MNS—81, вероятность обитаемости 35 %».

— Эти мы не учили.

«Эти я выучил самостоятельно».

— Тогда я рад, что мне удалось донести до тебя желание изучать планеты.

«Эй, много берешь на себя, папаша».

Они рассмеялись. А ведь прошло всего несколько лет с тех пор и так много изменилось. Они сидели тогда в кабинете Молчанова размером чуть больше его каюты на Прайме—1479. Штукатурка с потолка осыпалась, несущие стены покосились, полы проваливались, а вонь стояла такая будто кого-то схоронили подпол. Константин Александрович тогда попросил подтянуть сына по учебе. Молчанов и Макс сидели друг напротив друга за столом, который был старше их обоих и Молчанов рассказывал о потенциальных для жизни планетах, о микроорганизмах экстремофилах, которые могут выживать в жестких условиях, о тех местах где стоит их поискать, как например подледные океаны на спутниках Юпитера Европе и Ио. Макс не проявлял рвения к познанию, и Молчанов решил относиться к занятиям, как к работе. Но было что — то в Максе особенное, какое — то бесстрашие, вечное шило, толкающее его с головой туда, куда Молчанов бы никогда не решился пойти. И это привлекало Молчанова. Они часто беседовали обо всем, и как не удивительно Молчанов задавал больше вопросов чем давал ответов.

«Тогда ты мог представить, что будешь лететь на Марс, а я буду твоим оператором?»

— Я бы сказал: только через мой труп.

«Выхода у тебя нет, Андрей Степаныч Молчанов. Будешь слышать меня каждый день. Теперь я буду спрашивать с тебя по полной программе, никакой слабину, уж прости. Око за око».

— Слышал про Блопа?

Повисла пауза.

«Что ты сделал с моим лучшим другом?»

Молчанов рассказал.

«Познакомь его с Покровским».

— Он не специалист в таких системах.

«Поверь, Покровский специалист во всем где есть железяки и проводки. Если хочешь попрошу я. Ты же меня знаешь, я найду подход».

— Нет, лучше я сам. И каково это снова вернуться домой?

«Оказалось, что моего нового жалования едва хватает на аренду квартиры в Москве».

— Еще зарабатываешь.

«Директор пилотируемых программ НАСА — в такой должности встречу тебя на трапе».

— Как всегда планы только на максимум.

— Только так и никак иначе.

Передача данных завершилась.

«Принимаю пакеты. Ага, есть. Проверяю целостность. Все в порядке. Я обработаю их и занесу в базу. Дальше пусть Омар Дюпре разбирается. Кстати, этот француз натуральная задница. Упрямый как сам знаешь кто».

— Мне кажется, ты там уже на две отставки наболтал, — сказал Молчанов.

«Говорим по закрытому каналу, я же не враг себе. Да и поверь, здесь никому нет дела слушать чужие переговоры. Работы полно. Еще всякие фрики приезжают, записывают для вас послания. Даже не знаю кто их слушает».

— Мы, — с грустью сказал Молчанов.

«Вчера вот Бальтазар приезжал. Я в серверной был, но говорят орал он так, что стены ходуном ходили. По твою душу, между прочим. Ты отрубил эфир в пик трансляции. Наверняка кучу денег на рекламе потеряли. Я уже на выходе его увидел. Весь светиться будто майонезом намазанный, натуральный фрик».

— Не знаю, что на меня нашло.

«Эй, перестань. Все понимают тебя. Скотина этот Бальтазар. Ему бы только говно чужое месить».

Молчанов взглянул на копию фотографии с марсохода Террос-1. Глаза марсианина были черные, как и кожа на лице. Они глядели на Молчанова и, казалось, через фотографию доносилось громкое дыхание.

— Ты же был там, когда пришла фотография?

«О, да. Это было что — то».

— Вы тщательно перепроверили все? Не было чего —нибудь... странного?

«Оу, я понял, о чем ты. Ты про этих исследователей, которые опровержения строчат? Забей ты на них, они же все ради бабла делают. Ходят с одного шоу на другое, и все чешут языком про заговор НАСА и прочую хрень. Я тебе так скажу, завидуют они что в программу миссии не попали. На вас же сейчас не наживается только ленивый. Скажу тебе по секрету — то, что снимок, якобы случайно попал в СМИ не правда. Мы сами его туда вбросили, чтобы охват аудитории был больше. Но прежде перепроверили все на тысячу раз. Я могу под пистолетом поклясться, что снимок пришел с камеры марсохода».

— Рад это слышать.

«Не забивай голову виртуальщиками. У вас настоящая миссия и работаете вы по — настоящему. Корабль летит. Руководство довольно».

— И Он тоже? — спросил Молчанов.

«Ты же Его знаешь. Раз молчит, значит все хорошо».

Часы показывали за полночь.

— Чуть не забыл, уже дважды просил Павлова программу марсохода достать. Хочу посмотреть, как его стерилизовали от микробов перед запуском. А то некоторые могут быть для марсиан опасней чем термобомба. А я как раз успел бы подготовиться.

«Как увижу Игореху, спрошу», — сказал Макс.

— Ты же знаешь Павлова. Он запрос написал и будет ждать, не шевелиться. Ты же в НАСА. У тебя должен быть доступ.

«Ладно, сделаю по старой дружбе».

— Хорошо, а то работы полно, а еще когда информации нет так вообще хоть вешайся.

«В невесомости это будет не просто».

Молчанов рассмеялся, представив, как болтается в воздухе с петлей на шее, а рядом парит табуретка.

Они попрощались. В эту ночь Молчанов спал, как убитый.

Телеметрия. Прайм—1479

Атмосферное давление: 101 Кпа

Температура внутри: 24,6 С

Температура снаружи (датчик солнечный): 101 С

Температура снаружи (датчик теневой): —189 С

Курс: 1,1

Пройденное расстояние, км: 35 560 163

Задержка связи (сек): 118

Скорость км\с — 25,3

***

Молчанов прибыл в командный модуль на вечерний брифинг. Командир Стивенсон и Нака уже что — то обсуждали у голографического экрана. На Молчанова они внимания не обращали, а он вспомнил, что не успел прошприцевать влагой лопухи салата, растущие, как на инопланетных дрожжах. Прилетел Покровский, обмотанный красным шарфом. Вскинув его над собой, он покрутил им, словно ковбойским лассо, затем принялся пританцовывать. Молчанов поздравил его с победой команды в сегодняшнем матче. Покровский в знак благодарности пожал ему обе руки. Молчанов воспользовался его приподнятым настроением и пригласил в лабораторию поглядеть на мини сад. Там он планировал показать ему Блопа и попросить помощи в ремонте. Покровский с удовольствием согласился и пообещал заскочить непременно сегодня.

Командир Стивенсон отвлекся от разговора с Накой и попросил Ричарда Патела по радиосвязи поторопиться. Покровский тем временем в красках рассказывал Молчанову о том, кого из хоккеистов сильнее приложили к стене, сопровождая это демонстрацией толчков на Молчанове. Молчанов раздражался и делал вид, что ему интересно. Когда Ричард Пател показался в переходе между модулями Стивенсон сказал громко:

— Прошу внимания.

— Михалев получил пас на третьей линии, — говорил Покровский Молчанову вполголоса на русском. — Прошел через двоих защитников и вот так клюшкой подкинул шайбу над собой, представляешь, а та завертелась в воздухе и в сантиметре от башки вратаря вжух.

— Бортинженер Покровский, я попросил внимания, — твердо сказал Стивенсон.

— Да, да кэп. Секунду, я уже заканчиваю. Шайба угодила в верхнюю штангу, прокатилась по шлему вратаря потом по спине и в ворота. Представляешь? Стадион просто в экстазе.

Покровский закончил. Командир Стивенсон осмотрел всех членов экипажа, усиленно пытаюсь скрывать усталость на похудевшем лице.

— Десять дней назад мы достигли запланированной скорости. Реактор работает в энергосберегающем режиме. ЦУП проверил его работу за период после старта и результаты неутешительные.

[Купить полную версию книги](#)